

Фируза
ЗАМАЛЕТДИНОВА

Рассказы

Фируза Замалетдинова

Рассказы

«Татарское книжное издательство»

2017

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Тат)-4

Замалетдинова Ф.

Рассказы / Ф. Замалетдинова — «Татарское книжное
издательство», 2017

ISBN 978-5-298-03536-1

В книгу известной писательницы Фирузы Замалетдиновой вошли рассказы последних лет, переведённые на русский язык. В них в разнообразии красок и художественных идей отображается жизнь наших современников. В центре сюжетов – понятия Чести, Верности, Любви – вечные духовные ценности человека.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Тат)-4

ISBN 978-5-298-03536-1

© Замалетдинова Ф., 2017
© Татарское книжное
издательство, 2017

Содержание

В метель	6
Письмо	10
Яблоко	17
Молодухи	19
Раненый голубь	23
Искандер	31
Бык	39
Уехать в любви...	43
Ноша	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Фируза Замалетдинова

Рассказы

© Татарское книжное издательство, 2017

© Замалетдинова Ф. И., 2017

В метель

Я должна была проехать через эту деревню днём и не заметила, что запоздала. И так короткий день клонился к вечеру. Позёмка засыпает следы ног, равняет тропы, игриво вихрится и белым столбом поднимается в небо. Ты, являясь ей опорой, остаёшься стоймя стоять внутри столбика. Чтобы можно было дышать, рот и нос закрываешь варежками. Она всё тонко щиплет кончик носа, лижет лоб...

– В такое время в путь не выходят. Вон к старухе Хатиме зайди и переночуй. Она ждёт путников, – сказал мне дядя в старой фуфайке, поивший лошадь из желоба около колодца. – Дом её путники любят, а колодезную воду – лошади.

В этот момент в покрытом снежным узором наполовину замёрзшем окне показалась старуха в белом платке, она сделала жест, похожий на приглашение. Я прошла в дом.

– Кошка весь день царапала ковёр. Всю шерсть выцарапала. Значит, метель нескоро утонится... Айда, айда, проходи... Валенки захвати с собой...

Лицо у неё было суровое, строгое. Глаза хоть и походили на ястребиные, но в них искрился какой-то луч. Следуя за этим лучом, подхватив утонувшие в сугробе валенки, я шагнула в дом.

– Ты не первая и не последняя, – сказала старуха. – Место гостей вон там – в переднем углу. Слава Аллаху, дом просторный! Прходи, айда, проходи.

Полагая, что старуха живёт одна, не ожидала увидеть здесь ещё кого-то. Поэтому вздрогнула от возникшего перед глазами видения. Невозможно было не обратить внимание на мужчину в инвалидной коляске. Похожий на запятую один глаз кажется соединённым с перекосившимся ртом. На месте носа растопырились два отверстия. Всё лицо в сине-красных рубцах. И фигура, как статуя, застывшая в сидячем положении. Впрочем, в эту минуту невозможно было найти слова, чтобы передать моё состояние и описать это живое существо.

– Это сын мой, – сказала старуха, увидев, что я остановилась на полпути в растерянности. – Болеет он... Айда, айда, проходи в переднюю комнату.

Хоть и видно было, что горе давнее, но можно было уловить чутьём насколько велика сердечная рана старухи, несмотря на испытания суровой жизни, не сломавшейся под их тяжестью.

Сняв покрывало с кровати, на которую указала хозяйка, я присела на один её угол. Мне было не по себе от тревожного одиночества, опасной неопределённости. «Как же я не смогла уехать», – сожалела я.

– Буран усилился, – сказала старуха, входя. – Трубу соседки Муфлихи даже не видеть. – Она, проткнув голову в дверь моей комнаты, позвала меня:

– Путница, выходи сюда, почаёвничаем...

Я нерешительно прошла к столу с самоваром.

– У нас в деревне самоваров не осталось уже. Народ давно перешёл на чайники. Я не смогла бросить. Желудок не принимает чай из чайника. Так ведь веселее. Как во времена, когда росли дети. Старик мой, покойный, тоже любил так пить...

Кажущаяся снаружи суровой, про себя старуха улыбалась.

Пение самовара, шум бурана за окном – всё вместе, соединившись, образовали какое-то таинственное состояние. Разливая чай по чашкам, хозяйка поинтересовалась, в какие края еду. Одна из трёх до краёв налитых чашек чая переместилась ко мне. «И сына собираются, что ли, поить чаем?» – подумала я про себя, потому что невозможно было представить себе, что каменная фигура способна шевелиться.

– Пусть остынет немного, чайной ложкой поить его буду, – сказала старуха, будто читая мои мысли.

Тут послышался скрип двери.

– Соседка идёт, кажется...

И она, встав с места, бормоча себе под нос, пошла к порогу.

– Ветер ворота как бы не открыл, наметёт снега, трудно будет выйти...

– Это мы, мама, – прозвучал молодой голос.

– Ой-ой, это вы, да? Дитя моё пришло.

Она, прижав девочку к груди, долго не двигалась. Затем пригласила:

– Айдайте, айдайте, проходите!

Молодая женщина зашла и встала у порога. На её пуховую шаль и мутоновый воротник синего пальто осели крупинки снежинок. Всё же она, быстро повернувшись, отряхнула одежду девочки, помогла ей раздеться. В мгновение ока снежинки на одежде растаяли, холодные капли были похожи на слезинки.

Женщина почему-то была очень грустна. Тяжёлым взглядом посмотрела на мужчину в коляске. Не отрывая глаз от него, порылась в сумке, вытащила пару тёплых носков и шагнула вперёд. Преодолевая волнение, произнесла:

– Как ты, Хабибулла? Это вот я тебе привезла...

И девочка пощупала кармашек платья, оттуда вытащила бумажку с рисунком и положила перед мужчиной в коляске.

– Это я для тебя нарисовала, – сказала она.

Подобный же подарок достался и бабушке. Старуха обрадовалась, глаза её прослезились. Только каменная фигура не шелохнулась. Ни один мускул не дрогнул, ни одна морщинка не шевельнулась.

– Не узнаёт он людей, горемыка, – произнесла старуха, повернувшись ко мне.

Так как смотреть на всё это было тяжело, я встала и прошла в переднюю. Бабушка тоже зашевелилась, схватив кумган, направилась во двор.

В полуоткрытую дверь был слышен всхлипывающий плач женщины, которая проклинала свою судьбу.

– Я ведь в другом месте плакать не могу, Хабибулла, – говорила она. – Как только перешагну этот порог, сердце превращается в камень... Душа моя здесь ведь, тело только что-то ищет. Прости ты меня, прости...

– Не плачь, мама, – сказала девочка обиженным голосом. – Дома Тагир-абый¹ опять спросит, отчего глаза у тебя опухли.

Встав с кровати, я бросила взгляд в комнату через стекло закрытой двери. В голове мелькнуло – дать ей выпить валидол или же настойку пустырника. Однако вдруг остановилась, увидев поразительное явление...

Женщина, перебирая пальцами, гладила волосы мужчины. Так нежно, по-родственному гладила она их. Однако для каменной фигуры это, похоже, не имело значения.

– Опять плачешь?

К голосам присоединился шум кумгана. Женщина молчала. Тыльной стороной руки вытерла глаза, лицо.

– Доченька выросла на этот раз, – сказала старуха и, достав из кармана завязанный узелком носовой платок, принялась его развязывать. Звон монет как будто облегчил тяжёлый воздух.

– Ну-ка, доченьке дам-ка я милостыню...

Девочка улыбнулась. Обняла бабушку за шею.

– Ты уж нас не забывай, дитя моё. Лето начнётся – приезжай подольше пожить.

---

¹ Абый – дядя, старший брат.

– Ладно, – ответила девочка, склонив голову. – Только Тагир-абый никак не хочет к вам отпускать...

– Ревнует?

– Не знаю.

– Ты ему скажи: «К трупам не ревнуют. Он ведь мой папа».

– Ладно, – ответила девочка, тяжело вздохнув. – Скажу.

Женщина вдруг встала с места.

– Мы пойдём уж, мама.

– Подождите, чайку возобновим...

– Нет, нет, в другой раз, когда будет по-свободнее, зайдём, искать начнут ещё.

Она торопливо направилась к двери. Девочка пошла за ней.

От этой встречи в душе осталась тяжесть, будто весь свет придавило камнем. И хозяйка, казалось, не могла радоваться. Чтобы облегчить положение, я вышла и села к столу.

– Сноха она моя, – сказала старуха. – Была женой моего Хабибуллы. – Она кивнула в сторону коляски.

– ?..

– Выйти замуж сама дала согласие. Побоялась, что содержать два живых трупа не смогу. Сил не хватает, думала.

Между нами установилась тишина. Прервав тишину, старуха сквозь зубы вымолвила:

– Жена – мужа, муж жену может бросить. Мать ребёнка бросить не может. Этот ребёнок только мой...

В этой фразе была какая-то сила, нравственная высота, глубокое огорчение и самые тяжёлые страдания.

– Где же они живут теперь?

– В городе.

– Давно?

– Четыре года. Совместный ребёнок уже есть. Пусть живут... Лишь бы не страдала...

Подняв голову, она уставилась на стену напротив. Там из рамы на нас смотрели молодая красивая женщина с мужчиной-богатырём. В середине сидит дорогая малышка. У всех троих лица излучают счастье.

– У снохи вашей глаза теперь не такие... Сейчас они очень грустные...

– Одно мгновение изменило всё... – Старуха бросила на меня взгляд, говорящий о том, что это поймут лишь те, на чью долю выпало подобное, и продолжила: – Мгновение способно одних убить, других возродить. Мы просто не верим в это, пока не увидим собственными глазами. Когда уходил из дома, такой он был счастливый... На своём мотоцикле летел как птица, сынок мой. В соседнюю деревню поехал за невесткой и внучкой. «Поздно уже, пусть у родителей ещё ночь проведёт, а утром, как рассветёт, съездишь за ними», – говорила ему... «Без них дома не уютно, мама. Как будто весь мир опустел», – ответил он. Торопился... А на дорогу, оказывается, привезли и свалили гальку. Раскидать не успели, стемнело. Вот и всё: в полном здравии уехал сынок, а домой доставили изуродованного... – Она тяжело вздохнула. – Ни сознания, ни памяти нет теперь...

Я про себя искала слова утешения. Слова не находились.

– Ребёнок, он принадлежит только матери, – сказала старуха, вновь прервав тишину и, разжевав, положила в рот сыну мясо, чайной ложкой дала ему воды.

Каменная фигура без движения проглотила всё это.

«Мгновения... Судьбы состоят из мгновений...» В моей душе слова простой деревенской старухи, матери, вырастившей сына, простые слова превратились в большую истину. Я поняла, что истина может быть и очень горькой. «Нельзя торопиться... Жизнь не любит тех, кто старается её перегнуть...» – говорила она давеча терпеливо. В такой беспокойный вечер

такая терпеливость кажется странной. На улице буран, липнув к окнам, издаёт звуки, похожие на собачий лай. Воев в дыре печной трубы. И ветер помощник: вытягивает тепло из дома.

– Завтра прояснится – по радио так сообщили...

Я, желая освободиться от своих дум, подошла к окну. Посмотрела на состоящий из сплошного движения холодный мир. Тут я заметила две тени – одну большую, другую маленькую, они растворились в тёмном вихре...

– Наверное, неправильно сказали, совсем не похоже, что утихнет, – сказала я, делая вид, что ничему не удивлена, повернувшись в сторону комнаты.

– Утихнет, раз по радио объявили... – сказала старуха. – Там колодец не оставили открытым?

– Закрыли...

Она, твёрдо держа свою тонкую, как осенний лист, и худую фигуру, подняла мужчину из коляски и шагнула к кровати в переднем углу.

– Давайте помогу... – сказала я, подойдя.

– Уйди... Уйди с дороги... Я уже привыкшая... Ещё причинишь ему боль где-нибудь...

От её строгости я даже немного испугалась, потому что она в этот момент напомнила львицу, приготовившуюся защищать своего детёныша...

Я молча отвернулась в сторону. В этот миг я ощутила в себе прилив какой-то силы: почему-то вот сейчас казалось, что если в эту минуту уйду в беспросветный буран, он не сможет меня сбить с пути...

Письмо

Я часто с восхищением наблюдаю за ним с нашего окна. Он кажется мне таким таинственным. Простой скворечник не может быть таким красивым, как этот! Такого изумительного скворечника никто из наших сельских ребят не сможет сделать. Вот ведь с какой любовью дядя Равиль сотворил его: «дверь» и «надоконник» красиво смотрятся на синем фоне, даже не заметно, что это синяя тушь; а не краска, которой в нашей деревне, наверное, и не было... А ещё рядом с «дверью» пригвождена коротенькая ивовая веточка, набухшая зелёными почками. Ну какой скворечник может быть без жёрдочки? Не только красавцу скворцу, даже и мне было приятно смотреть на это чудо-скворечник. А может, и всей деревне было приятно... Потому что в тот день, когда дядя Равиль установил его, солнце всюду без усталости светило, люди даже окна открыли. А скворец пел и пел... Приглашал скворчих.

В эти тёплые весенние дни мама-скворчиха в «построенном» руками дяди Раваля домике готовила для своих будущих птенцов мягкую подстилку и прилетала, неся в клюве то пух, то перо, то клочок шерсти. И вот однажды скворцы перестали петь... В день, когда вылупились птенцы, мы проводили дядю Раваля в армию...

* * *

С лампы, свисающей с матицы, падают светлые яркие лучи на страницу тетради. Глубокие морщины на лице бабушки Асхабджамал будто бы впитывают в себя эти лучи. Я поднимаю голову и вращая ручку вглядываюсь в её тёплое светлое лицо:

– Ещё что-нибудь написать?

– Ещё? – Бабушка продолжает диктовать: – Ещё напиши, пусть всегда читает молитвы, которые знает. И спроси, дочка, не забыл ли молитву, которую читают перед сном...

– А что это за молитва? – мне самой интересно узнать.

– И не молитва уж...

Соседка кладёт свои руки на колени, закрывает глаза и, медленно покачиваясь, начинает тихонько напевать. Я тоже присоединяюсь к бабушке Асхабджамал.

– И ты знаешь, оказывается, маладис², – она гладит меня по голове, а у самой глаза чуть приоткрыты, и хитро улыбается. Затем продолжает: – Ну ладно, написала «с большим приветом, ждущие тебя с нетерпением твоя дорогая мама и дед»?

– Нет ещё, не успела.

Предложение кажется мне слишком длинным, и я переспрашиваю:

– А это обязательно дословно всё написать, и «дорогая» тоже?

Правду говоря, не длина предложения меня волнует, а важную мысль боюсь пропустить.

– Пиши так! – твёрдым голосом добавляет бабушка, – дорог он для меня. Не сокращая пиши... Ребёнок ведь. Любимый...

Я, всё ещё не понимая, кто кому дорог, по-своему дописываю последнее предложение, откладываю ручку и встаю с места. А конверт мы до начала работы уже приготовили и адрес написали. Остальное бабушка сама доделывает.

– Подожди, доченька, – бабушка мягко касается моих плеч, – письмо просто так не пишется, здесь ждёт тебя ещё и небольшой гостинчик...

Я уже знаю про это. Потому что на столе стоит красивая, с изображением осенних листьев, пиала, полная орехов... Бабушка после работы всегда меня ими угощает, щедро накла-

---

² Маладис – молодец.

дывает в мои ладошки. И я, довольная, с орешками в руках, словно удерживая птицу в ладонях, выхожу во двор, а там дед пилит дрова. Каждый раз, когда я прихожу писать письмо, вижу его в одиночку за этим делом. По лежащему на «козле» бревну с песней «чаж-чож», изгибаясь, двигается пила. Когда дед Акрам тянет пилу к себе, на землю сыпятся жёлтые, как пшено, опилки. Я будто бы слышу, как пила просит дядю Равиля поскорее приехать: «Приезжай, Равиль, тяжело ведь твоему деду работать, раны очень болят. Приезжай. Приезжай». Некому держать другой конец пилы. Вот скоро дядя Равиль приедет и они с дедом вдвоём быстро закончат работу. И дед Акрам больше не будет мучиться один.

Люди говорят, что у деда Акрама всё ещё не заживают раны, полученные во время войны. В нашей деревне никто не говорит о диагнозе, могут просто сказать, что нога гниёт...

Мне кажется странным, почему дядя Равиль бабушку Асхабджамал называет «мамой», а деда Акрама «дедушкой». Почему же он так пишет в письмах?

В день, когда письмо отправляется в сторону Хабарау, с отметкой «В/ч» солдату «Рахманову Равилю Владимировичу», бабушка Асхабджамал на улицу не выходит. (Хоть и пишем город Хабаровск, бабушка упрямо называет его «Хабарау»). И мне кажется какой-то ошибкой называть дядю Равиля сыном Владимира.

– Почему так? – расспрашиваю бабушку.

– Неплохое же отчество, да и Ленина звали Владимиром, а он разве плохой? – у бабушки голос становится резким, суровым.

Таким образом, моя работа заканчивается. И я бегу играть. Бабушка Асхабджамал закрывает окна занавеской. И что там за этими занавесками творится, никто не видит. Даже я.

Через неделю после отправки письма, бабушка, ходившая к нам через каждые два-три часа, перестаёт заходить и копошится лишь у себя во дворе.

– Наверное, опять давление поднялось у неё, – мама берёт настойку из калины и сама идёт к ней.

Мама говорит, что давление к бабушке присосалось как пиявка. Однажды её даже на белой машине увезли в районную больницу. Та же машина её и обратно привезла потом. «Мы не можем это лечить», – будто бы так сказали врачи.

– Её может вылечить только надежда, – говорит мама.

Я и сама свидетельница этому. Потому что, когда приходит письмо от дяди Равиля, она вообще забывает о болезни. Как она спешит к нам! Перед моими глазами бегут строчки: «Потерпи, мама, до моего приезда. Больше не будешь жить в холодной избе. Бог даст, построим пятистенку, мама. Ты только в зале будешь сидеть и читать намаз...», «мама, как только я вернусь, купим корову...»

Вот такой бывает она, Надежда. Приходит в форме письмеца и лечит бабушку. А сегодня, когда я читала эти строки, бабушка плакала, но её глаза смеялись. От счастья она плакала. Её Надежда в этот маленький домик не умещалась, казалось, она бы не уместилась даже и в тот большой дом, который построит дядя Равиль. От радости она плакала...

Проходит около двух недель, давление уже поднимается так высоко, что бабушка и не выходит из дома. Приходит снова письмо от дяди Равиля. И бабушка, не зная, что делать от радости, в своих больших калошах, налегке бежит к нам. Я вижу её через окно. И жду её восклицания: «Рузия, до-о-оченька!» А у меня у самой в душе теплится надежда. Знаю, пришло письмо от дяди Равиля... Может быть, и меня похвалил, как, мол, хорошо пишет соседская девочка... Я не успеваю даже помечтать, бабушка уже и в дом влетает.

– Рузия, до-о-оченька, – она мелодичным голосом окликает меня, – почти-ка это письмо.

Она указывает на уголок белого конверта, который торчит из кармана её синего бархатного камзола, и спешит обратно к себе домой. Я за ней: «Неужели нельзя было у нас только про-

читать?» А у самой перед глазами орешки в пиале, которая стоит на середине стола. Вообще-то их и в карманах её камзола достаточно.

– Ну давай, доченька, читай. И в этот раз, наверное, услышим радостную весть... Душа снова не на своём месте... – бабушка, сама с собой разговаривая, старается угадать содержание письма. – «Пишите ответ», наверное, так и написал. Каждый раз пишет так.

– Нет, не может быть только это...

– «Мама, по приезду сам пойду на сенокос», – я добавляю своё предположение.

– Это было в том письме, – бабушка недовольным голосом перебивает меня.

Хотя я и была ребёнком, но всё равно уже понимала, что я чужая. Потому что бабушка наступает на половицы твёрдо и тяжело... Мне самой становится уже интересно. И о чём мог написать в этот раз дядя Равиль?

«Дорогая мамочка...» – и в этом письме было столько же теплоты. Мне казалось, эти слова для бабушки были как весенний дождь... «Я каждый вечер, мама, перед сном читаю эту молитву. И мне становится легче, потому что скучаю по вам, – писал дядя Равиль, – мама, все молитвы, которые ты читала, я помню!»

Ой, как бабушка обрадовалась этим словам! «Ну, ну, ещё что написал?» Несколько раз сходила на кухню, в печь дров подкинула, добавила угля в самоварную трубу. Потом заставила снова прочитать. Ещё и ещё раз. «Как дома? Тепло ли, мама? Есть ли дрова? Как там дедушка? Раны, наверное, очень болят. У меня всё хорошо, мама».

– «Мама, мама, мама», – я с раздражением повторяла слова и почему-то злилась.

– Конечно, мама, кто ещё? – бабушка Асхабджамал отозвалась твёрдым голосом. – Он сейчас большой человек, государственный... Солдат, который стоит на посту...

Да поняла уже я: дядя Равиль скоро вернётся домой и все тяготы жизни этого дома устранил. Потому что он теперь сильный! Очень сильный! Он же солдат!

Для меня открытием стало одно предложение. «Как хорошо, что ты есть, мама, и деревня родная, по вам я очень скучаю!» Эти слова и мою душу чуть не прожгли. «Есть деревня родная!» Так и написал. Так в этой деревне и я живу... Да ещё я его соседка... Может, и по мне скучает дядя Равиль? Продолжаю читать, лишь бы бабушка не догадалась о моих мыслях. «Мама, только не старей до моего приезда!» После этого предложения бабушка снова быстро зашагала на свою кухню, к самовару. Там, в самоваре, на пару, варится яичко. Оно за хорошее письмо. А на нашей улице людей, которые могли бы прочитать письмо, много. Да вон Сакиня-апа³ живёт напротив. Сама учительница. Но бабушка её не просит. Иногда учительница бабушку хвалит, что даёт мне читать. Что, мол, ребёнок не умеет раскрывать секреты, хитрая, мол, старушка. И какие секреты могут быть в письмах? По-моему, никаких...

В этот раз содержанием письма и моя мама заинтересовалась:

– О чём пишет твой дядя Равиль? Жив-здоров?

– Написал, что перед сном читает молитву.

Мама с папой рассмеялись. Ну и что смешного я сказала? Его же бабушка Асхабджамал сама научила читать молитву.

– Маладис старушка, – говорит мама, – первым делом воспитывает любовь к Аллаху...

– И потом эта любовь перейдёт к природе, к людям...

– Скажи, перейдёт на весь мир... Воспитанный на любви ребёнок не может быть несчастным...

Родители как-то непонятно разговаривают меж собой. Я тоже знаю эту молитву, но меня никто не хвалит...

---

³ Апа – тётя, старшая сестра.

...А однажды бабушка продиктовала одно предложение, которое я вообще не поняла. «Сыночек, от мамы письмо пришло, тебе привет передаёт», – сказав так, бабушка посмотрела мне прямо в глаза. Потому что я сидела как каменная...

– Пиши, пиши, так и напиши. Так надо...

– Так и написать «От мамы пришло»?

– Да, так...

Я совсем запуталась. У одного дяди Равиля две мамы? И ещё, не было же такого письма... У бабушки, кроме меня, читающих никого нет...

Моим ногам откуда-то через щели пола дует холодный ветерок. Пальцы мёрзнут. Пол очень холодный, потому что доски трухлявые. От безвыходности качаю ногами.

– Не качай люльку шайтана⁴, – бабушка смотрит на меня сурово, – он не ангел, так нельзя...

– Ноги замёрзли...

– Нельзя было сразу сказать...

Бабушка с печи достаёт белые шерстяные носки:

– Вот надевай, связала для Равиля. Выстирала, и уже высохли... Ай, какие тёплые...

Она своими шершавыми руками гладит мягкие носки.

А я в мечтах оживляю тот дом с тёплыми половицами, который построит дядя Равиль. Каким будет он? На чей дом похожим будет? Нет, нет, он будет похожим на Надежду. Будет большим, как Надежда! Будет светлым, как Надежда! Будет красивым, как Надежда! И там бабушка Асхабджамал будет читать намаз...

* * *

В ту весну дед Акрам переселился на кладбище – отправился в мир иной. Навсегда. Нас осталось трое – бабушка, я и Надежда, ожидающих возвращения дяди Равиля.

Наконец настал долгожданный день: широкоплечий, подпоясанный ремнём, громадного роста солдат, нагибаясь, зашёл в низкие ворота бабушки Асхабджамал... Он был и похож, и непохож на дядю Равиля. Хотя, кто ещё зайдёт в этот дом? Тем более в солдатской форме...

– Дядя Равиль приехал! – весть о его приезде домашним я принесла.

Через несколько минут у ворот бабушки Асхабджамал собрались соседи. Сначала прибежала ребятня. Потом агаи⁵... Он со всеми поздоровался. На его лице играла улыбка.

Как мы обрадовались в тот день, как были веселы! По голубому небу тихо проплывали белые облака, вдоль огородов в траве сверкали жёлтые одуванчики. Весь мир озарился каким-то тёплым светом...

Скворец исполнил все песни, которые знал. У «дверей» своего скворечника концерт давал. Я долго слушала его пение, а сама смотрела на старый скворечник, с которого слезла краска, высохла веточка. Кажется, вся деревня радовалась приезду дяди Равиля. Он же всем всегда помогал, кому сено-солому подвозил, кому дрова рубил. Целый день солнце сияло от радости, люди открыли окна своих домов...

А дядя Равиль и правда стал государственным человеком. Такой он был степенный, и одежда указывала на это. А фуражка солдатская какова! Не тот уже мальчик, увешанный платочками, подаренными деревенскими девушками, который со своими друзьями шёл по улицам и пел прощальные песни перед отъездом. Казалось, в фуражке был весь секрет армейской службы, солдатской жизни и чести...

---

⁴ Шайтан – чёрт.

⁵ Агаи – дяди (мн. число от агай – дядя).

Соседские мальчишки по очереди примеряли на своих головах эту фуражку, целый день кружились около солдата.

Я его в тот же день встретила. Вышла за водой к колодцу и вдруг услышала его и родной, и чужой голос.

– Сейчас, сейчас, подожди...

– Здравствуйте, дядя Равиль! – поздоровалась я тихим голосом.

– Здравствуй, сестрёнка! Это ты мне писала письма? Как же ты выросла... – он говорил прерывистыми предложениями, – дай сюда вёдра, сам наберу воду...

Кажется, я потеряла дар речи... Лицо пылало... Еле-еле взяла вёдра и зашагала. Коленки дрожали. А вёдра были такими лёгкими...

Наша радость недолго длилась. Через три дня дядя Равиль уехал на какую-то ударную стройку.

В тот день бабушка Асхабджамал несколько раз заходила к нам. И только о нём и говорила:

– Он сказал, что соседская девочка так выросла. Только назвала, мол, его «дядя» и то да сё...

Что хотела этим сказать бабушка, неизвестно, но, когда мои вёдра наполнял водой, дядя Равиль ко мне отнёсся как к сестрёнке.

– Опять письма будем писать? – спросила я у бабушки.

– Адреса нет ещё, доченька, а я пока ночами подумаю о том, что будем писать. Очень хороший он, сыночек. Очень. Говорит, что купим корову...

Но от дяди Рафиля не было писем. А потом он стал еженедельно приезжать. Бабушка Асхабджамал уже редко выходила на улицу, у неё постоянно повышалось давление.

И в один летний день дядя Равиль привёз с собой прекрасную Сылу-апа с длинными волосами...

На улице был сильный ветер. Он срывал ветки с деревьев, бил по окнам. Сорвался скворечник, который был сделан руками дяди Рафиля, он упал и разбился. Да и веточку ветер куда-то унёс...

На следующий день состоялась их так называемая свадьба. Родственники и ещё несколько человек сходили в сельский Совет, там они и расписались... Бабушка и меня послала с ними со словами: «Ближе тебя у меня никого нет, доченька, ты одна знаешь все мои тайны-секреты». Какие такие тайны-секреты?

Вообще-то, такое повествование о происходящем не было бы полным, если я не скажу ещё о том, какое испытание ждало дядю Рафиля...

О каких тайнах и секретах говорила бабушка, я только тогда и поняла.

Златовласая Сылу-апа была намного красивее наших деревенских девушек. Дядя Равиль только и смотрел на неё... Сылу-апа, застенчиво улыбаясь, прижималась к нему. Значит, и она любит его... Таким образом, в дом бабушки Асхабджамал, где жила светлая Надежда, постучалась и Любовь...

* * *

На пересечении двух дорог, которые вели к переулку, встретились их тропы.

...Они оба как две капли воды были похожи на дядю Рафиля. Женщина в блестящем разноцветном полосатом узбекском платье и мальчик с квадратной тюбетейкой на голове... Их блестящая одежда для нашей деревни выглядела слишком чужой. Казалось, эта тётя появилась откуда-то из далёкого мира и вела с собой детство дяди Рафиля... По моему телу побе-

жали мурашки. Чего я испугалась, не знаю. Неужели и такое возможно в жизни? В день свадьбы появление этих двоих, родных людей, – заметно было невооружённым глазом, что это испытание судьбы... Дядя Равиль, поражённый этой встречей, остановился. Крепче сжал руку Сылу-апа. Глаза засверкали как молнии. Приблизились. Дядя Равиль, наклонив голову, поздоровался:

– Здравствуйте, апа! – Голос у него дрожал.

– Здравствуй, сынок! – сказала женщина в блестящем платье. Она не знала, куда спрятать свои руки. Две длинные косы откинула назад, стала перебирать несуществующие складки на платье. На глазах появились слёзы. Слышалось биение её сердца, всё платье билось в унисон.

Домой они такими и пришли. Бабушка Асхабджамал под ноги молодой невесты положила подушку, алюминиевой ложкой угостила мёдом.

– Спасибо, мама, – сказала невеста.

– Спасибо, мама, – сказал дядя Равиль.

Чужую женщину бабушка потом только увидела. Они обнялись. Началась какая-то суета. Звуки плача я слышала через окно. От этой суеты мне захотелось убежать подальше, поэтому я пошла к реке. Этот дом, где мы с бабушкой писали письма дяде Равилю, потерял свою таинственность, но в то же время и приобрёл что-то новое...

Во время встречи молодых приезд чужой женщины, оказывается, мама тоже заметила. Когда я пришла домой, у нас была соседка Аниса-апа. Они говорили о той женщине. Аниса-апа ещё многих наших деревенских не знала, она недавно вышла замуж, приехала откуда-то издалека.

– Что за женщина в узбекском платье приехала? – спросила Аниса-апа.

– Настоящая мать Равиля. Суфия же его из тюрьмы привезла... Там родила...

– Из тюрьмы? – переспросила соседка.

– Спелое яблоко черви едят, соседка, – ответила мама.

Я, как ошпаренная, назад отпрянула. В тюрьму же сажают только преступников. Как в нашей деревне могли жить преступники? И рядом с бабушкой Асхабджамал? Что это было ошибкой, даже я, малолетка, догадывалась.

– Да, из тюрьмы привезла. Наверное, хотела выйти пораньше и поэтому так поступила, бедная.

Мама, увидев моё недоумённое лицо, пристально глядя в глаза Аниса-апа, продолжила:

– Шаль продавала. Сама вязала... Посчитали спекулянткой и юную девушку посадили.

Тогда торговать чем-то считалось преступлением. Жёсткие были законы...

– Откуда узнали о продаже?

– Написали жалобу на неё... – добавила мама после недолгого молчания, – кто из нас в этом мире сам хозяин своей судьбинушке, Аниса?..

Люди... Зачем вы так поступили с бабушкой Асхабджамал?! Зачем её так сильно обидели?! Зачем тронули её дочь?! В моём сердце рождались искры ненависти к людям. Потом я представила лицо бабушки Асхабджамал. Ведь в её душе нет ни капли ненависти, как такое может быть? Нет, нет... Наверное, нельзя обижаться на людей... Нельзя...

Она с той женщиной и её сыном Бахрамом пришли к нам ночевать. По традиции, молодожёны в первую ночь остаются только вдвоём.

Я с удивлением рассматривала босые ноги Бахрама, на которых не было ни одной цыпки, но мои разгорячённые уши от услышанного всё равно были на макушке. Мне до конца хотелось узнать все тайны...

Мама приготовила небольшой ужин. Гости расселись за столом.

– По сыну скучала, наверное, Суфия? – мама вопросительным взглядом глянула на гостью.

– У меня на сердце камень уже, Гульнур, – устало ответила женщина. Немного помолчав, добавила: – Сердце матери, оказывается, всё чувствует. Кто бы мог подумать, что я приеду именно в день свадьбы?

Мне показалось, что Суфия-апа была благодарна и мужу-узбеку, и тому, что та сторона её приняла как свою. Из разговора поняла, что у неё ещё есть пятеро детей и что она приехала просить прощения у своей старой матери и отблагодарить её за всё. Да и сына, наверное, хотела увидеть. Но она об этом промолчала...

После свадьбы Суфия-апа с сыном уехали по левой дороге, а дядя Равиль с женой – по правой. Давление бабушки Асхабджамал опять поднялось, и она всю ночь пролежала в бреду. Мама была рядом с ней. Утром бабушки не стало.

– Она бредила тобой, дочка, всё время говорила: «Рузия, доченька, пиши, пиши»...

Наверное, вспоминала годы, когда жила Надеждой... и Надежда, может быть, облегчила её уход...

Дядя Равиль жил в городе и очень редко приезжал в деревню. Говорили, что ремонтировал телевизоры. Он был очень отзывчивым, старался всем помогать. И люди платили ему водкой. Расплачивались за работу. Один день... Два дня... Один год... Два года... И он умер, отравив своё сердце. Люди о нём плохого не говорили. Наверное, понимали свои безвинные ошибки...

* * *

В каждый свой приезд в деревню я прохожу мимо старого дома, который стоит как раненая птица, раскинувшая свои крылья. Мне всё время кажется, что в этом доме до сих пор живёт большая Надежда бабушки Асхабджамал. Надежда эта, наверное, желая всем помочь, всё ещё мечется по старому дому... Вон там, за упавшей калиткой, на стене сарая висит пила деда Акрама. А дома на столе, может, ещё стоит и пиала с орехами...

Желая увидеть скворечники, устремляю взгляд на берёзу, но там ничего нет. Сейчас даже птицы не хотят прилетать в деревню!

А одинокая старая берёза у старого дома всё шумит и шумит, тоскуя о них. Листья её будто лепечут нам: «На земле прожило поколение безобидных, милосердных и добрых людей. Расскажите о них миру!..»

Да, да, они так и говорят! Я всем своим существом чувствую это и слышу...

Яблоко

– Опоздаем, вставай! – шепнул солнечный луч.

От резкого вздрагивания, одеяло сползло на другую сторону постели. Он торопливо натянул штаны и рубашку. К одной штанине прилипла болотная тина Жёлтого родника. Она упала и с шумом ударилась о ножку стула. И... ему стало хорошо.

Оказывается, он не в городе, а в гостях у бабушки. И в школу не надо идти. Никто не торопит его. Со дня рождения некогда видеть солнечный луч: торопят взрослые. Сначала в детский сад, потом в школу.

– Чип-чип-чип... Чип-чип-чип...

– Кыт-кыт-кыт... Кыт-кыт-кыт...

Вот и бабушка, кажется, во дворе. Кур кормит.

Мальчик расчесал волосы перед зеркалом, в чемодане, оставленном матерью, разыскал свои белые носки. Вышел и уселся на тщательно, до янтарной желтизны вымытом, влажном крыльце. Надел белые носки на начавшие трескаться ноги, похлопал штанины брюк. Болотная грязь, превратившись в пыль, осыпалась на носки. Снова вспомнился город. От немного испорченного настроения надул рот.

– Здравствуй, киска!

Мальчик посмотрел в сторону высокого крыльца соседнего дома, откуда раздался странный голос. Там он увидел девочку, двумя кулачками тёршую глаза. Она, округлив рот, сладко зевала. Волосы растрёпаны, сама босоногая, в ночной рубашке. Девочка потянулась к солнцу, к белым облакам, затем сбежала на траву и звонко закричала:

– Здравствуйте, цыплята!

– Чип-чип-чип, чип-чип-чип, – ответили цыплята, собравшись у крыльца.

На губах девочки засияли лучи солнца, лицо её засветилось как летний день в середине лета. Опираясь одной рукой о подпорку крыльца, она снова приветствовала:

– Здравствуй, петушок!

– Ку-ка-ре-кук! – сказал петух, узнав её по голосу, и, задрав красивый хвост, примкнул к курам.

Девочка пальцами попыталась поправить упавшие на глаза спутанные волосы. Сладко потянулась и вновь закричала:

– Здравствуйте, куры!

– Кыт-кыт-кыт, кыт-кыт-кыт, – те гурьбой подбежали к ней.

Цыплята, испугавшись, пустились в рассыпную. В этот момент вся природа отражалась в глазах девочки.

Мальчику вдруг захотелось снять свои белые носки, и он босиком помчался домой. Вспомнил, что в холодильнике бабушки было два больших яблока. Вчера сам сорвал их в саду. Взяв по яблоку в руки, мигом спустился с крыльца.

– Здравствуй, солнце!..

Девочка стояла уже на самом верху, на ступеньке у порога в дом. Мальчику показалось, что она находится высоко-высоко, возле белых облаков, у солнца.

– Эй, девочка! – позвал он несмело.

Девочка не обратила внимания, кажется, и не слышала.

– Эй, девочка! – позвал он вновь, перекатив в ладонях румяные яблоки. – Айда, приходи, вдвоём будем играть.

– Яблоко! – прошептала девочка. – Яблоко!

И, сбежав босиком по ступенькам, направилась по тропинке по зелёной лужайке, глядя на яблоки в руках мальчика.

А на улице их вмиг окружили босоногие мальчишки в грязных штанах. В мгновение ока одно из румяных яблок перешло в руки беззастенчивых алабаев⁶. Кто-то из кармана вытащил ножик. Начался делёж. Девочка во все глаза смотрела на второе яблоко в руках мальчика. А тому хотелось разделить его только на двоих. Да, половину себе, половину ей. Не получится. Ножик спрашивать бесполезно. Сейчас же разрежут на куски и растащат. И в этот момент у него в голове созрела мысль, и он заторопился её высказать:

– Эй, девочка, на, беги домой. Разрежь пополам и половину принеси мне.

В глазах мальчика отразились растрёпанные ветром волосы, мягкие, полные ножки девочки.

В тот день, подняв дорожную пыль, спокойно лежащую на обочине, на легковой машине приехали отец с матерью. Дом наполнился городскими запахами: банана, лимона, апельсина. Чуть погодя на бельевую верёвку во дворе вывесили, постирав, запачканные в болотной грязи его брюки.

Затем мальчика, надев белые носки, вычищенные ботинки, хорошо отутюженные брюки, посадили на заднее сиденье легкового автомобиля.

...А очень скоро и бабушка насовсем переехала из деревни в город.

---

⁶ Алабай – пройдоха, пронира.

Молодухи

Мама мне говорила, что не только людские судьбы, даже птичьи не бывают похожими. Этой весной на берёзу, растущую напротив нашего дома, снова вернулся скворец. Вернулся один. Наверное, потерял свою половинку в пути. Мама тяжело вздыхает... птицы не могут опереться на крылья друг друга.

Мама рассказывает мне о птицах. А я сижу и вспоминаю своих подружек.

* * *

Да, их у меня две. Две подружки. Одна, Гульсирина, живёт на том конце улицы, а на этом – Нурзада. Мы часто захаживаем друг к другу повидаться...

Гульсирина из большой шумной семьи. У неё четыре сестрёнки и братишка. Да и старший брат в прошлом году из башкирской стороны привёл в дом невестушку, которая вот уже целый год перед печкой постоянно чистит картошку. Приди к ним в любое время суток, наткнёшься на одну и ту же картину: перед большой русской печью в цветастом платке сидит сноха, в руках у неё блестящий алюминиевый нож, а рядом с ней ведро грязной картошки.

У нас чернозём. Приходится мыть картошку несколько раз, пока не появится желтизна. Поэтому и смывают только землю.

А рядом с печкой бормочет её свекровь – тётя Кафия, которая постоянно чем-то недовольна. Она всегда выглядит сердитой. Даже здороваться с ней тяжело. Если спросишь, как здоровье, она отвечает: «Что, ты врач, что ли, о моём здоровье справляться?» И всё желание с ней разговаривать отпадает. А мне в такие дни становится плохо. Целыми днями думаю о происходящем в их доме. Иногда не смыкаю глаз, жалея Гульсирина и особенно их сноху. Тот нож и ведро с картошкой тоже всё время перед глазами, мне жалко даже их.

Как только я к ним прихожу, тётя Кафия начинает стонать и ругать свою сноху:

– Что, пораньше нельзя было тебе встать и почистить эту картошку? Расселась тут прямо на моём пути...

Сноха не отвечает. У неё в руках острый алюминиевый нож. Она чистит картошку.

– Мама, ну хоть перед чужими людьми не ворчи, а... – это Гульсирина встречает. Она перед зеркалом наводит марафет. Ей передо мной неудобно за свою мать.

– Ай, рука болит, нога горит... ну вот, если б с утра она всё почистила, то не сидела бы тут, посередине дома, – тётя Кафия продолжает ворчать.

Мне уже и сам дом, и окна кажутся маленькими, да и потолок будто вот-вот упадёт. Я начинаю задыхаться. А она знай себе возится около печки и даже не смотрит на сноху, но голос её всё повышается:

– Нет чтобы с утра пораньше встать... Соня... Ай, моя спина, ай, ноги мои, ноги...

Мне хочется громко заплакать от жалости к молодой. Она похожа на Айсылу из сказки, которую мачеха заставляла таскать воду в бездонную бочку. Её хоть к себе взяла луна...

– Что ты поставила своё ведро тут под ноги... ай, мои ноги... умираю... Будь ты проклята...

Последнее предложение кому адресовано, непонятно, снохе или болезни. Сноха молчит. И не торопясь продолжает свою работу. И с места не двигается. Как сидела, так и сидит. А свекровь придирается к ней без причины. Потому что перед печкой свободного места много и спокойно можно её обойти. Да и никто из домашних не заходит туда. Там всегда возятся вдвоём свекровь и сноха. Тётя Кафия подбрасывает в печку поленья, а сноха чистит картошку...

А девочки, в основном, крутятся около зеркала. Вот Гульсирина спокойно красится... Моё сердце готово уже выпрыгнуть из грудной клетки, оно готово улететь, плохо ему тут. Каждый раз корю себя в том, почему я прихожу сюда. Но не могу не прийти. Здесь живёт моя близкая подруга, – хранительница всех моих девичьих секретов. Она очень весёлая, хорошенькая. Вот Гульсирина заканчивает наряжаться, наконец, мы идём к выходу. И в это время открывается дверь... Вытянув испачканные в грязи и машинном масле большие лопатообразные руки, заходит её старший брат. Он тракторист. Все в деревне хвалят его, говорят, что он является хозяином годового урожая, который вырастает на наших полях. Это он пропадает круглыми сутками на картофельном поле. До женитьбы, говорят, Нур не очень хорошо работал, но женитьба его изменила в хорошую сторону. Сейчас сразу видно, что он – настоящий работяга. Нур в масляном комбинезоне проходит к печке. Его большие руки тянутся к жене. Он не замечает даже нас. Всё его внимание обращено на молодую жену: улыбается и подмигивает ей.

В доме сразу становится как-то свободно. Потолки кажутся высокими. Окна начинают смеяться. И молодая жена тоже светится от улыбки. Они видят только друг друга. Сноха берёт в руки кумган и идёт навстречу мужу. Я поражаюсь, как она может улыбаться? Или я даже восхищаюсь, не знаю.

– Есть хочется, – начинает говорить мужчина, – вспахал поле за Журавлиной горой...

– И суп готов, и чай вскипел, сынок, проходи, – встречает мать и снова начинает роптать на свою болезнь: – Ай, как ноет нога....

Свекровь уже не ворчит на сноху. Но мне всё же кажется, если бы сноха не знала этого дома, а её муж жил бы только на своих полях, то они могли бы быть намного счастливее... Мы перешагиваем через ненависть и любовь, через смерть и жизнь. И сразу же обо всём этом забываем. Мы живём в молодости. И наши розовые мечты никак не могут ужиться с этой действительностью.

До середины деревни идти долго. Там наша школа. По воскресеньям мы, три подруги – я, Гульсирина и Нурзада, приходим туда работать над следующим выпуском школьной стенгазеты. Нурзада живёт по пути в школу. Мы с Гульсириной заходим к ним. Она, как всегда, ещё спит.

– Тише, девочки... Дети спят... – встречает нас её мать.

– Она такая соня, давно пора ей вставать, – шутим мы.

– В молодости сон бывает сладким. Пусть выспится, – шепчет тётя Айния. – Проходите, проходите.

Мы за тётей проходим в спокойный мир тишины. Напротив кровати Нурзады висит яркий цветастый полог. Там за пологом ещё одна кровать. С полуоткрытого окна врывается весенний ветерок, принося с собой запах сирени, цветущей черёмухи, и раскачивает полог.

– Пришли уже? – Нурзада, полуоткрыв глаза, потягивается.

– Да, доченька, пришли. Давай, вставай, оденься и выходи на кухню, сейчас испеку блины, да и чай готов... пусть братья поспят ещё, не шуми...

Наши глаза устремлены на полог. Слышится таинственный шёпот: «Нужно вставать!», и за цветастой занавеской происходит оживление.

– Уйди, дурачок! – раздаётся полный нежности тоненький голосок.

Это молодая жена брата. Её зовут Сюмбель. В деревне прошёл слух, что сын Расиха привёл молодуху из татарской деревни чувашской стороны. В это время из-за полога появляется брат Нурзады с женой на руках. Это выглядит так сказочно. Мы боимся их сглазить, что устремляемся на кухню. Не то что сказка, нам не по себе видеть их в нижнем белье. Перед их мамой особенно.

– Сынок, не балуйся... не стыди уж Сюмбель, – мать с улыбкой смотрит на своих детей и идёт за нами.

Сюмбель на руках мужа кажется маленькой птичкой, которая вот-вот собралась улететь. А он, высокий, на руках бережно держит свою драгоценность. Они счастливы, весело смеются. Они вдвоём в этом мире...

Пока проходим на кухню, тётя Айния тоже смеётся. Она в этом доме словно голубь мира. Их разговоры с мужем тоже похожи на воркование голубей, от них рождается яркий свет, который касается своими лучами и нас. Будто бы голубь мира поглаживает нас своим крылом... не только нас, но даже и сноху...

После нас за стол садятся счастливые молодые и добрыми пожеланиями провожают нас. Не знаю, о чём подумала тогда Гульсирин, но я задумалась: как быть? Завидовать любви или наоборот пожалеть её?

* * *

Спустя много лет мы встретились с Нурзадой в парке. Вспоминали нашу юность, школьные годы. Я спросила о брате:

– Как он, всё ещё на руках носит свою жену?

– Да. Так же, как и раньше, – ответила Нурзада, – он же любит её. Да и детей у них не было... А наша сноха умеет быть такой, чтоб носили на руках...

Мы за нашей беседой не заметили, как мимо нас прошла женщина с инвалидной коляской. Вдруг она остановилась и посмотрела на нас.

– Ой, вы же подруги нашей Гульсирин.

– Да. Тётя Равия! – Мы узнали сноху Гульсирин.

– Это я. Вот с дочкой вышли на прогулку. Спасибо, что узнали...

– Ну конечно узнали... Ведь всё сохранилось в памяти... Даже помним, как дядя Нур возвращался с работы и улыбался вам...

– Дяди Нура уже нет... Ушёл в мир иной... Там слышен только шелест листьев... – Женщина посмотрела на зелёные кусты.

Я постаралась ещё кое-что вспомнить, связанное с ней.

– Помнится, ещё вы постоянно чистили картошку, сидя перед печкой. – Мне хотелось продолжить нашу беседу. – До сих пор так много чистите?

Тётя Равия рассмеялась от души. Но в её смехе были слышны нотки грусти.

– Нет. В доме никого не осталось. Обе дочери в Казани. И скотину не держу. Вот с младшенькой и доживаем свой век. А она картошку не очень любит... Мне одной хватает две-три картофелины, – женщина замолчала, потом добавила, – свекровь, покойная, любила картошку. Ты помнишь, наверное, это, – она пристально посмотрела на меня.

– Как не помнить... Ой, какой сварливой она была... Я так жалела вас...

– Почему, интересно?... Она же болела сильно... Вот и не могла сдержаться. Я же единственной снохой её была. Моя мама тоже так болела... я была единственной её дочерью. Вот ваш дядя Нур и ждал меня. После сороковин матери мы свадьбу справили... Не мстить же болезни... Нужно понять... Да и слушать нужно больную... Она же каждый день приближалась к порогу... Больше я ничем не могла ей помочь... Да и благословение их получить напоследок... Нам же нужно было жить дальше...

В это время девочка в коляске застонала. Тётя Равия её повернула на другой бок.

– Это моя доля, наверное, Всевышний меня на землю и отправил, чтоб ухаживать за больными...

От этих слов я вздрогнула. На миг застыла на месте. Потом попробовала найти другую тему для разговора.

– Тётя Равия, а ваша картошка до сих пор такая чёрная?

– Не-е-ет. У нас давно уже другой сорт картошки. Никакая грязь не пристаёт к ней. Жёлтого цвета сейчас наша картошка, – она отходила от нас, толкая инвалидную коляску.

А перед моими глазами перекатывались то чёрные, то жёлтые картофелины, такие же разные, как и людские судьбы...

Раненый голубь

Он, гремя ключами, открыл железную входную дверь своей квартиры. В нос ударил запах одиночества. Этот запах он всегда узнавал и мог различать... Запах одиночества не похож на другие запахи мира.

Поздоровался с духами дома. Ответа, естественно, не было. В доме жила тишина. Неспкойная тишина. Здесь жили воспоминания.

Пока раздевался, мужчина бросил взгляд на висевшие на стене фотографии. Они улыбались ему, и от этого в квартире становилось уютнее.

– Доченька! – прошептал он и кончиками пальцев погладил фотографию дочери. Показалось, будто бы услышал даже её голос. Перед глазами всё перемешалось: люди, дороги, машины... и белый голубь.

Мгновения! Они способны изменить мечты и повернуть всё обратно. Даже не заметишь, как свернул с прямого пути.

Это тоже произошло в одно мгновение. Он был за рулём и ехал по ровной дороге, и вдруг какая-то сила за секунду скинула машину в сторону, в кювет. Он даже не понял, что случилось. Когда открыл глаза, увидел, что оба, и он, и дочь, висели на ремнях безопасности вниз головой.

– Сейчас, сейчас, доченька, не бойся, – он успокаивал дочь, – сейчас сам отцеплю тебя... Только не бойся...

Он сначала освободил себя, потом, держа дочь левой рукой, отцепил ремень, через открытое окно осторожно поставил её на землю, потом перелез сам.

От страха девочка не могла вымолвить ни слова, а когда увидела перевёрнутую машину, заплакала. Одно колесо укатилось до березняка у дороги. Мужчина вытер слёзы с лица дочери. А она крепко-крепко сжала отцовские пальцы в своей руке и сказала всего лишь одно предложение:

– Папа, в Казань, к маме... давай пойдём пешком... – Она посмотрела на отца своими карими глазами и заплакала ещё сильнее.

– Пойдём, доченька, пойдём, – приговаривал мужчина, желая успокоить ребёнка. – Только ты не бойся, ладно?..

Он видел, что события развивались не в его пользу, и вынужден был врать малышке. Как оставить на обочине своего верного друга – машину? Хотя, не таким уж и надёжным оказался его «друг», подумал мужчина. Он достал из багажника трос для буксировки, прицепил к бамперу, а сам размышлял: «Наверное, и ремонту уже не подлежит».

Вдалеке алела заря. Скоро забрезжит рассвет. Утренний свет падал на дорогу, на которой произошла авария, слёзы на лице дочери сверкали как жемчужины.

И зачем он взял её с собой в такую дальнюю поездку? Да, хотел показать Москву. Она же в этом году идёт в школу. А в школе учителя обычно дают задание, просят написать сочинение. Или же просят устно рассказать, с кем и где провели лето, куда ездили, что увидели. Не будет же ребёнок стоять и оправдываться, что отец с ними не живёт. Нет-нет, нужно её свозить хотя бы в Москву. Сколько проехал он по дальним дорогам, что ему стоит съездить в столицу. И дочка обрадуется...

– Будь внимательным, она ещё ребёнок, не забывайся, – сказала жена.

Дочку она сама привезла к отцу. Что и говорить, и для отца она была самым дорогим существом на земле... Только жена не понимала этого. А потом, если посчитать, сколько он проехал, то, наверное, хватило бы несколько раз объехать земной шар. Много ездил, очень много...

И вот они не проехали даже половину пути, вынуждены повернуть назад. Хотя добрые люди встретились, и машину отремонтировали, но на неё уже надежды было мало. И «буксир» не пригодился...

– Значит, не суждено, – повторял мужчина шёпотом. Эта фраза была его постоянным выражением. Почти всю Россию объездил. Выезжал и в ближнее зарубежье. А вот до Москвы не смог доехать. Ну что скажешь тут, кроме этого слова «не суждено»?

Мужчина вспомнил, когда первый раз произнёс это выражение. Может быть, тогда ещё не стоило его применять? Говорят же, что у сказанного слова бывает продолжение. Начав размножаться как тараканы, могут, оказывается, всё затмить.

Вспомнил день бракосочетания. Перед глазами предстали знакомые и родные лица друзей.

– Юнус, что ты делаешь?! – в ушах снова повторился вопрос. Кто-то, кажется, даже свистнул.

Но он уже успел надеть обручальное кольцо на безымянный палец левой руки невесты. И она, улыбаясь, почему-то протянула левую руку.

– Надень на правую руку, – крикнул кто-то.

Но было уже поздно, поздно... Повторное надевание кольца стёрло радость в душе... У обоих в сердцах появилось сомнение.

Вот тогда он впервые сказал: «Не суждено, значит...»

Солнце уже поднялось высоко. И в кабину проникают его тёплые лучи. Лето повернулось лицом к осени: весь мир утопает в золоте. На полях последние дни жатвы. Это время особенно любят водители, потому что, если что случится на дороге, на помощь придут и комбайнёры, и трактористы.

Однажды зимой он застрял в дороге. Тогда снег выпал рано, земля ещё не успела замёрзнуть. Мужчина привёз на стройку кирпичи. Днём заехали по сухой дороге. Пока разгружали кирпичи, пошёл мокрый снег. А просёлочные дороги под таким снегом превращаются в кашу. Колёса машины крутились на одном месте, он не смог продвинуться даже на метр. Он пробовал кинуть под колёса свой старый пиджак, но колёса его не признали. Затем старые халаты туда полетели. Никакой пользы. Наконец, помогли добрые люди, вернее, один тракторист вытащил своим трактором.

– Папа! Голубь! Белый голубь!

Мужчина и сам заметил его издали, сбавил скорость. На обочине сидел белый голубь, с повисшим одним крылом. Дочь выпрыгнула из кабины, маленькими ручками потянулась к голуби. Птица сначала заметалась, хлопая крыльями, но потом, то ли почувствовав тепло человеческих рук, то ли обессилив, свернулась в клубок. Наклонив голову, голубь смотрел то на отца, то на дочь, но с места не сдвинулся. У него было сломано крыло и повреждён один глаз.

– Это свадебный голубь, доченька! – сказал мужчина дочери.

– Свадебный? А почему он один?

– Они, наверное, потеряли друг друга, доченька.

– Потеряли? Что, и на небе можно потеряться?

Эти слова девочка сказала словно взрослый человек. Мужчина даже не представлял, что его маленькая дочь может так рассуждать. Он остался без слов, потом встал с корточек и открыл дверцу машины:

– Садись, доченька!

Девочка, прижимая голубя к груди, умоляющим взглядом посмотрела отцу в глаза:

– Возьмём его с собой, папочка?

– Конечно, возьмём. Его нужно лечить. Даже летать не может, бедняжка.

Мужчине вспомнилось, как они после торжественного бракосочетания тоже выпустили пару белых голубей в небо. Как было красиво и торжественно! Казалось, голуби осветили всю улицу. Кто же думал тогда о судьбах голубей?! Вернулись ли они обратно?

– Папочка, а кто сломал ему крыло?

– Буря, наверное.

Девочка маленькой ручкой нежно погладила раненое крыло птицы.

– Папочка, а кто ему глаз выключил?

– Ветер, наверное.

– У ветра нет клюва. Он не умеет клевать, – девочка с обидой посмотрела на отца. Сама щебетала беспрестанно: – Мы тебя будем лечить, птичка. У меня в городе есть ещё и мама. Она врач. В твои глаза накапает лекарственные капли, на крыло намажет мазь...

Мужчина, продолжая внимательно следить за дорогой, на мгновение обернулся к дочери. Подумал: «Наверное, птица вылетела из рук несчастливых пар. Если не суждено быть счастливым, ничего не сможешь сделать даже будучи птицей... если не суждено...»

Он снова представил счастливые времена. Никто, наверное, столько не вкладывает в свадьбу, чтобы после развестись. А если не суждено...

После свадебного торжества они приехали в родную деревню Юнуса. Мать, от радости за сына, не могла сдержать слёз, всё плакала и плакала. Между тем поставила варить суп. Принялась готовить домашнюю лапшу. А молодая жена направилась в баню постирать.

Зима, кажется, хотела угодить молодой невестке, расстелила под её ноги белую россыпь снега. Тихо падает мягкий и пушистый снег. Она шла словно по пуховым подушкам, ноги её утопали в мягкой неге, душу переполняла радость. На бельевых верёвках и на ветках деревьев блестел и сверкал зимний иней, напоминая новогодние гирлянды. Деревенская зима по-своему была красива!

Пока она стирала, Юнус несколько раз приходил к ней. Украдкой любовался красавицей-женой, не удержавшись, обнимал и целовал её. Мыльными руками и жена успевала погладить по щекам мужа.

Когда он снова пришёл в баню, она наклонившись что-то искала на полу.

– Кажется, потеряла, – чуть не плача посмотрела на мужа.

– Что?

– Потеряла кольцо... вот упало вроде бы сюда...

– Не переживай, найдём... – Юнус тоже стал шарить руками по полу. Все тазы, ковшики передвинул с места. Залез и под лавку, искал в щелях пола. Везде обыскались. Но кольца не нашли. Он встал и обнял жену:

– Значит, было не суждено. Ничего, другое купим, не переживай...

– Родителям не говори. Пусть лучше не знают...

– Договорились, – сказал мужчина, обнимая молодую жену.

Они были бессильны что-либо предпринять. Если суждено пропасть, значит пропадёт...

– Папочка, может, птичка есть хочет? Давай, накормим её хлеба.

– Через некоторое время остановимся на отдых, доченька. Там и накормим. Потерпи чуток.

Девочка согласно кивнула головой.

А мужчина снова предался в воспоминания.

...После началась совместная жизнь. В результате долгих исканий в одном общежитии нашли комнату для временного проживания. Всего девять квадратных метров, но было на чём отдохнуть после рабочего дня – стояла кровать, было где поесть – стол и стулья тоже уместились в этой крохотной комнате. Всё было: и где жить, и, казалось, любовь. Только не было денег... Нужны были деньги...

– Давай отнесём моё кольцо в ломбард, – как-то сказал муж жене, – всё равно одно лежит в шкафу.

Женщина помолчала, задумчиво глядя в окно. Потом вроде бы согласилась. На вырученные деньги несколько дней безбедно прожили. Обратного выкупить уже не было возможности. Таким образом, из двух колец не осталось ни одного.

– Значит, не суждено было, – сам себя успокаивал мужчина.

А денег всё не хватало. И с каждым разом всё больше и больше...

Взгляд жены за столом его убивал, он чувствовал себя виноватым. Он знал, что жена не голословная у него, но один её взгляд заставлял съёживаться на стуле.

– Нужно найти денежную работу!

Мужчина это предложение повторял неделями, а потом месяцами. Была у него работа, но зарплата хватало только на такую жизнь.

Однажды он вернулся домой счастливый – нашёл денежную работу: устроился в частную организацию дальнотранспортником. Естественно, его заинтересовала в первую очередь зарплата. Другую работу с такими деньгами он бы не нашёл нигде.

– Значит, не суждено жить дома, – сказал он, и, зацепив прицеп на КАМАЗ, поехал с товаром в Сибирь.

Он ехал и дни, и ночи, и недели. Впереди были окно кабины и дороги. Они стали смыслом его жизни. Смыслом жизни...

Чтобы выглядеть перед женой мужчиной, умеющим зарабатывать деньги, ему нужны были деньги. Дороги, наверное, были единственным выходом из положения.

– Папочка, мы оба, и голубь, и я, хотим есть.

Мужчина вздрогнул. Сколько уже проехал он углубившись в свои воспоминания?! Первый раз в жизни взял с собой дочку, а сам всё время думает только о себе и о своём прошлом.

Он выехал на обочину и затормозил. Девочка выпрыгнула из кабины и положила голубя на траву. Голубь, взмахивая одним крылом, пробовал взлететь, но не смог. Потом, склонив набок голову, одним глазом уставился на девочку.

– Он просит, чтобы мы его с собой взяли, папочка...

– Доченька, скажи ему, что не оставим...

– Ты тоже жалеешь его, папочка?

– Жалею, дочка...

Мужчина постелил скатерть на траве, разложил еду, которую взяли в дорогу. Девочка раскрошила хлеб и положила перед голубем. А голубь, бедняжка, пока одним глазом искал еду, всё падал в сторону и снова поднимался и поклёвывал хлебные крошки.

Мужчине было хорошо рядом с дочерью. Она словно добавляла ему силы и нежности.

День был ясным. Небо казалось высоким-высоким. И по нему проплывали изредка белые облака...

Он из термоса налил дочери чай, подал ей конфету «Сникерс». Но девочка отпила лишь глоточек чая – голубь полностью овладел её вниманием. Она то гладила его, то прижимала к груди, то ставила на землю.

– Ты моя егюза, допей свой чай, скоро поедим, – сказал отец, поглаживая дочку по головке.

Он чувствовал себя молодым папашей. Как хорошо, оказывается, быть рядом со своим ребёнком! После развода прошло три, нет, уже четыре года... многое и забылось.

Они снова сели в автомобиль и продолжили путь.

Голубь, наверное, из благодарности, клюнул руку девочки. Она вскрикнула. Отец расмеялся:

– Полюбил он тебя, доченька.

Девочка тоже стала смеяться. Обоим было весело. Ворковал даже голубь.

Потом снова наступила тишина.

Машина мчалась по дороге. А мужчина вернулся в свои воспоминания.

«Люблю... до сих пор ведь люблю... Говорят, что любви нет, а она есть, оказывается, есть... Прошло столько времени, можно было бы и забыть... А я всё ещё живу тенью далёкой прошлой любви...»

Он представил себе её стройную фигуру, красивые глаза. А ведь кого только не встречал он на своём пути, в этих дальних поездках... привык даже к тем, кто ради денег выходил на дорогу продавать и душу, и тело.

«Продают, продаются, – размышлял он. – И любовь, и семью, и детей продают за деньги. Странно: на земле, кажется, ничего нет, что не продаётся. Всё, абсолютно всё продаётся! Даже без никаких объявлений...» Вдруг в одно мгновение его тело будто съёжилось: разве и он не предал своих близких, свою семью?.. Обменял на деньги, продал за водку... Неужели жена не понимала его? Или же терпения не хватило у неё? Женщина – она ведь непонятное существо: ей хочется и деньги иметь, и мужа держать при себе. Только вот жизнь странная штука, у неё свои законы.

Относительно этого у мужчины появились свои законы: муж должен зарабатывать деньги, а жена должна иметь выдержку и терпеливо ждать...

А если не хватит терпения? Мужчине не хотелось об этом думать. Он глянул на одноглазого голубя. Тот, свернувшись в клубочек, уснул на коленях дочери. Однокрылому, одноглазому голубю тоже нужны были и тепло, и нежность.

– Папочка, ты любишь его?

– Люблю...

– А ты ему купишь «Китикет»?

– Это еда для кошек, дочка...

– Тогда мы его будем кормить хлебными крошками...

«Какая выдержка у птицы! Терпеливая! – подумал мужчина. Кто знает, может, в молодости и она была своевольной, необузданной птицей. Может, только теперь, когда осталась без глаза и крыла, она стала такой покорной...»

А его жена не смогла быть терпеливой. Всё произошло по глупости. Молодые были. А молодость, она заблуждается!..

– Устала, доченька?

Девочка, оторвав взгляд от голубя, поднесла к своим губам пальчик и прошептала:

– Т-с-с, он спит.

– А ты сама не хочешь поспать?

– Хочу... но если я усну, то птица может упасть с моих колен. И второе крыло сломает. Нет, папочка, я вытерплю!..

– Ты моё счастье! Ты моё райское яблочко!

Мужчина, улыбнувшись, погладил дочь по волосам. «Какая же терпеливая моя дочурка. Не похожа на свою мать... Тонкая душа. Откуда у неё такая нежность в душе? Ведь городской ребёнок вырастает не любясь по ночам звёздами, да и аромат цветов не трогает его душу. Их словно даже и не замечает... Да и как можно увидеть звёзды через городскую дымовую завесу? Значит, похожа на меня... Единая кровь...» Он, конечно, об этом подумал только про себя.

Ему всегда казалось, что жена его особо и не ждала с поездок. Она не показывала радости, когда он приезжал. Кто знает, может и ждала... Только не дожидалась...

После рейса он не сразу приходил домой. Это стало привычкой. В организации, где он работал, были свои распорядки.

У ворот всегда стояла гурьба мужиков, которые встречали дальнбойщиков. Так называемые друзья...

Мужчина улыбнулся, представив такие моменты. Вот машина въезжает в ворота, и мужики, которые стоят недалеко, облепляют её как мухи. Когда он вернулся из первого рейса, понял: баня истоплена, тебе лишь надо взять в руки сумку с водкой, с закуской и идти с ними в баню... Он так и сделал...

– Необходимо сбросить с себя весь груз дальней дороги, нужно очистить тело, привести нервные клетки в порядок, – сказали друзья.

– Наверное, необходимо, – повторил он и согласился. Был уставшим.

В дороге, пока он остановился на отдых, воры залезли в кузов и украли половину его груза. Правда, не успели далеко уйти. Он смог совместно с милицией поймать их и вернуть украденное. Мужчина рассказал об этом другим водителям автофургонов. Те покачали головой и сказали, что он в следующий раз должен объехать это место, те люди в следующий раз его не пропустят.

Тогда он очень испугался, даже покрылся испариной. Ему захотелось оставить тут же своё уставшее тело, сбросить с себя всю эту засаленную одежду. Он был выбит из последних сил дальними дорогами. И как можно было сохранить в себе человека, самого себя в таком положении? На подобное не хватило бы сил даже у сказочного исполина.

Мужчина отправлялся в дальний путь. Дома его ждали жена и дочь. Одно крыло души, конечно, торопилось к ним. Но как с одним крылом можно взлететь?

Он знал, что жена его не смыкает глаз бессонными ночами. Чувствовал, что она с нетерпением ждала его возвращения с минуты на минуту. Можно незаметно быстро проехать дальние дороги, а вот вернувшись... Доехать до дома не хватает сил...

– Не тебя ждёт она, а твоих денег, – говорят ему друзья.

Мужчина не отвечает, смиренно идёт за ними.

– На том свете придётся пройти через мост над адом, который тоньше волоска, острее ножа. А возвращение к жене – это ерунда, – смеялись мужики. – Все же возвращаемся к ним.

Мужчины, которые в течение своей жизни не знали, где у них лежат носки, говорили о своих жёнах без уважения и любви. Это раздражало его. Ему хотелось ударить их в лицо, но какая-то сила удерживала его. Он же пока ещё не такой, как они. В доме частенько мог пропылесосить паласы и почистить обувь...

Весь его грех в том, что он всего на один день позже возвращается домой. Всего на один день!

Как только переступает порог – на глаза жены наворачиваются слёзы. Он очень верит слезам, даже боится их.

«Да женщина своими слезами может обмануть тебя на все сто. Ни один мужчина не в силах понять хитрость эту», – говорят мужики. Знают ли они об этом, или же совершенно не в курсе, но говорят. Ему хочется вытереть её слёзы, но как только вспомнит слова друзей, то желание в тот же миг исчезает. Ему кажется, что мужики правы.

Естественно, он ещё бывает подшофе и от него несёт пивом.

– Я хоть раз в жизни увижу ли тебя трезвым? – причитает жена.

Он удивлённо смотрит на жену. Как это так? Он же месяцами в пути. И всегда трезв, как стёклышко... на пути всё может случиться... Ладно ещё, тогда его никто не ждал на том месте. Но он всегда старается останавливать машину около милицейского поста.

– Увижу ли я тебя трезвым? – повторяет жена.

– Нет, душа моя. Ты не увидишь никогда. Увидят только дороги. Они – свидетели моей трезвости. – Мужчина не хочет оправдываться. А сам про себя обиженно думает: «Бывает, иногда не то что выпить, даже чашку чая не можешь попить, ты и знать не хочешь об этом!»

Жена уже выходит из себя:

– Ты же настоящий алкаш! Мне жаль моей жизни, пройденной с алкашом, – она кидается на кровать плача навзрыд.

- Папочка, а ты будешь скучать по голубке?
- Конечно, буду, доченька...
- А ты к нам приедешь?..
- Приеду, доченька...
- А потом с нами жить будешь?
- Не знаю, моя девочка...

Ребёнок своими большими глазами смотрит на отца. Наверное, думает, какой он сильный, её папа. Даже когда машина перевернулась, она не поранилась. Это он сберёт её. Только вот немного испугалась и заплакала. А рядом с отцом она бы научилась не бояться.

- Однажды он вернулся позже на два дня. Открыл дверь, тихим голосом позвал дочь:
– Доченька!

Обычно, когда он её зовёт, она просыпается и бежит к нему обниматься. А отец её целует. Ему нравится, как она пахнет. Сладкий запах дитя ни с чем на свете не сравнить. Но в этот раз ответа не последовало.

- Доченька! – повторил он, снимая обувь.

В доме стояла тишина. Он, не раздеваясь, прошёл в комнату. Заглянул в спальню. В квартире никого не было. Удивлённый, мужчина позвонил жене на сотовый телефон:

- Вы где? – громким голосом спросил он.
- Ушли мы, – ответила жена.
- Куда ушли?
- Это не имеет значения. Мы ушли насовсем... Забудь про нас... Считай, что нас вообще нет...

Мужчина задрожал всем телом.

- Как это?

– ...

Жена выключила телефон.

Вечером его снова нашли друзья. Около подъезда до полуночи пили пиво. Так и проходили его последующие дни. Потом наступил день отъезда. Перед каждым выходом на рейс он давал себе слово, что с ним больше подобное не повторится, что он никогда не обидит жену и дочь, говорил себе: «Как только вернусь из рейса, начну новую жизнь...»

Теперь вот его душу терзали мысли, полные страданий: «Что я наделал, глупец? Что наделал?» Скорбел, что терять, оказывается, очень легко. Прошло уже достаточно много времени с тех пор, а жена всё отвечала одним предложением: «Отрезанный ломоть не прилепишь!»

Ему кажется, что прилепить можно. Потому что в пути встречаются разные люди, и с похожими судьбами. Он со всеми ими разговаривает, расспрашивает. Бывают, оказывается, случаи, когда соединяются. Через десять лет кто-то вернулся в семью, и дожили до старости, воспитывают своих кровных внуков. Кто-то через лет шесть-семь снова соединился... и ему хочется верить такой судьбе. Мечтает вернуться к жене. Ни к одной женщине у него не лежит душа. Перед глазами всегда жена и улыбающаяся дочь.

Его уже у подъезда не ожидают и друзья, многих уволили, а некоторые перешли на другую работу. Да и сам он не живёт ошибками глупой молодости. Старается смотреть на мир трезвыми глазами. Хочется вернуть счастье своё из прошлого, очень хочется. Но...

- Папочка, ты жалеешь лебедя?
- Доченька, скажи – голубя...
- Белого голубя...
- Жалею, девочка моя...
- А меня?

Мужчина взглянул на дочь.

– А меня? – повторила девочка.

– У тебя же крыло не сломано, – сказал мужчина.

Девочка надула губки. А мужчина испугался своих слов. «Так и моя дочь ведь тоже с одним крылом? Да и сам стараюсь взлететь с одним крылом? И однокрылая жена хочет долететь до небес одна?.. Только вот с одним крылом далеко не улетишь. Знает ли она об этом?»

Перед глазами прошли одноглазые люди... Жена, дочь... В годы его детства в деревне жили старики, вернувшиеся с войны с одним глазом. Мужчина почему-то вспомнил о них. В этих глазах всегда была трагедия... Трагедия военных лет...

– Папочка, а он сможет летать после лечения?

– Не знаю, дочка...

– А мама знает?

– Наверное, знает... Она же врач, доченька...

– Я очень хочу увидеть, как он будет летать...

Мужчина повернул голову и посмотрел на дочь, а голубь всё так же, свернувшись в клубочек, спал на её коленях.

* * *

Машина летит по дорогам. Он очень любит дороги. Без них не мог бы прожить и дня. Благодарит жену, что дала возможность ему полюбить дороги. Иногда спрашивает себя, чтобы он сделал, если бы избрал другой путь зарабатывания денег? И становится не по себе, он даже вздрагивает от одной такой мысли. Не нужна ему другая работа. А ещё ему хочется летать. Только с одним крылом невозможно взлететь. Людям тоже, оказывается, нужно иметь два крыла, чтобы летать.

Мужчина стоял в тумане воспоминаний. Около семи лет уже прошло с того дня, когда на коленях маленькой дочери сидел голубь. Где он сейчас? Его ведь жена вылечила. Потом они с дочерью принесли ему. Птица у подъезда клевала семечки, тогда дочь с голубью погостили у него целую неделю.

– Откуда взяли, туда и увезите, – сказала жена.

Мужчина перед рейсом на сидение постелил мягкое полотенце, посадил голубь. Дочь их провожала вся в слезах. Он оставил птицу на той же обочине, где её нашли. Голубь взлетел в небо, покружил немного и устремился в сторону видневшихся вдали птичьих стай.

Он вернулся домой через два дня. На машине заехал во двор и увидел перед своим подъездом белого голубя: прилетел обратно, преодолев большое расстояние.

Одноглазый голубь весь день искал девочку. Мужчина в тот же день поехал с ним к дочери. И птицы, оказывается, нуждаются в душевной теплоте.

Сколько лет уже прошло. Он по приезду домой каждый раз звонит дочери. Только дочка общается с ним нехотя.

– Почему она со мной плохо разговаривает? – спрашивает мужчина у жены.

– И со мной тоже так же общается. Подростковый период у твоей дочери, – отвечает жена.

«Вот что бывает, когда нет рядом отца, – думает он. – Вернусь и в последний раз выскажу жене всё... Почему ты только о себе думаешь, ребёнок – наш: твой и мой тоже. Нашла отговорку, что отрезанный ломоть не приклеивается. Ради дочери бы соединиться... И ещё, я люблю лишь тебя, единственная ты моя... До сих пор люблю...»

Мужчина посмотрел на небо. Высоко-высоко где-то вдалеке пролетала стая птиц. Да, и птицам хочется летать не в одиночку, а вместе...

Искандер

Осенние дни бывают разными. Иногда накрапывает мелкий дождь. И тогда кажется, что с ними капают и воспоминания. В такие холодные, тёмные и дождливые дни человек ищет свет... И находит. Это – воспоминания о школьном детстве, которые остались где-то там, в вечности. Мы, всё лето проводившие в играх, осенью приходившие в школу, соскучившись по запаху мела, пыли и друг по другу, уже давно разошлись по разные стороны страны. Почти и не встречаемся. Что поделаешь, на всё бывают причины...

Из открытой двери кто-то крикнул:

– Тебя к телефону!

– Куда, кто? – Я выскочила из своего кабинета. А вдруг что-то случилось с мамой, которая одна живёт в деревне, внутри меня всё передёрнулось.

– Кто, не знаю. Кажется, твой одноклассник, и, по-моему, бизнесмен, уж больно голос зычный... – сказала коллега. – Говорит, Хакимова... слушай, твоя девичья фамилия Хакимова?

А я никак не могла узнать голос Искандера.

– День, наверное, такой сегодня, да и небеса тоже напоминают о детстве. Ту осень, когда убирали картошку... – что-то говорил он ожидающим голосом.

– Да, моросит... – добавила и я.

– Лейла, можно я к тебе приеду? Посидим, поговорим...

Я, даже не одевшись, спустилась на первый этаж. За это время чёрный джип уже подъезжал ко входу. Конечно, машину невозможно было не заметить. Говорили, что он сейчас богатый, хозяин жизни, это я никогда не обращала внимания на разговоры о нём.

Мы как-то неловко обнялись.

– Здесь, Лейла, неудобно стоять, давай в какой-нибудь ресторан съездим, – сказал Искандер.

После окончания школы мы, оказывается, ни разу с ним не виделись. Только через мам и передавали приветы друг другу, когда приезжали в деревню.

– Тогда поднимусь за пальто, – кивнула я.

– Не обязательно. В машине тепло, – сказал Искандер, – я тебя сюда же привезу потом.

– Помнишь, нам в детстве Сакина-апа рассказала одну притчу: Два странника шли через туннель. Один из них был слепым. Вдруг, когда была пройдена уже половина пути, в туннеле погас свет. И оба остановились. «Зачем мы встали?» – спросил слепой. «Свет погас», – ответил другой. «И что будем делать?» «Подождём, пока свет не включится», – ответил зрячий. «Нет уж, – сказал слепой, – сейчас я поведу тебя».

Таким образом, они выбрались из туннеля и пошли дальше. А те, которые остались, до сих пор там стоят и ждут появления света...

Откинув голову назад, от души смеялся Искандер.

– И кто же из нас слепой? – спросил он.

– А кто его знает? – Я тоже рассмеялась.

Потом он сказал:

– Слушай, ты, оказывается, всё помнишь, а мне даже некогда вспоминать наше детство, – и притих.

Когда-то мы всё время, пока шли из школы домой, следили за полётом птиц. Скорость у птиц большая, сами вольные, очень быстро исчезали они из виду...

А сейчас машина летит как птица. Мы проезжаем какие-то улицы, каменные джунгли, которые не хотят, чтобы мы вспоминали наше детство, а наоборот, нас отделяют от него на многие годы.

Конечно, Искандер знал, с кем приехал в ресторан, когда сказал, что сюда ходит обедать городская элита.

– В этом городе лучшего ресторана не найти. Этот самый престижный. Что хочешь, выбирай... там есть бутерброды с чёрной икрой. Еда здесь отменная и дорогая, и качество, и вкус несравненные, – он с загадочной улыбкой смотрел на меня через стёкла тёмных очков.

Около нас уже стояла в короткой юбочке девушка-официантка, я некстати вздрогнула и посмотрела на неё.

– Мне бы какого-нибудь салатика и горячий чай, – сказала я, даже не глянув на меню.

Девушка ухмыльнулась. Кого это, дескать, занесло в дорогой ресторан...

Я на неё не обиделась. Потому что здесь была виновата судьба. Она нас – восход солнца и закат, богатство и нищету, посадила за один стол.

Однако на этом столе не было ничего особенного. Картофельное пюре и бифштекс с грибами я и сама прекрасно умела готовить. Губадия тоже не редкость на нашем домашнем столе. Хоть и на праздниках, но и чёрная икра на нём появляется...

Работа в бюджетной сфере никогда не даст умереть от голода. Потому что бюджет – это государство... Глядя на нас, его и оценивают.

Даже лампы, которые лили свет на нас с высокого потолка ресторана, не могли освещать мою душу. Такие строения, такие дома, оказывается, не для меня. Я вот что поняла: здесь молодость не хочется вспоминать. Мыслями я улетела далеко-далеко в родные края.

* * *

Дверь класса со скрипом открылась. Учительница, даже не поздоровавшись с нами, нашла глазами Искандера.

– Тебя дома ждут, Искандер. Приехали за тобой на лошади...

Учительница замолчала, вопросительно посмотрела на мальчика.

Искандер начал собирать свои книги и тетради. «Наверное, маму хотят отправить на лечение», – подумал он. В школе-интернате, находящийся в соседней деревне, мальчик учился первый год, поэтому мыслями был постоянно с больной матерью. В каждый его приезд она повторяла: «Вот увидите, я скоро выздоровлю». Искандер, так и не одевшись, выбежал из класса. Дверь за ним с плачем закрылась.

– У Искандера мама умерла, дети, – сказала учительница, увидев, как мы смотрели в окно и провожали своего одноклассника. По оконному стеклу поползли капли. Через следы капель небо показалось нам хмурым: даже серая туча будто испуганно застыла на одном месте.

– Начинаем урок, ребята, – голос учительницы был добрым и мягким.

Взгляды перенеслись в класс. Но за какую-то минуту он стал неузнаваемым: угрюмым и тёмным. Каждый задумался: как можно жить без матери? Мы пытались представить себя на месте Искандера. Нам же не только смерть, даже ветра не хотелось подпускать к своим матерям. Мы всё думали об Искандере. Как же он без матери?.. Что происходит между жизнью и смертью? До нас впервые в жизни стала доходить мысль, что матери – самое дорогое, что мы имеем в мире. Это был горький момент осознания смерти.

– Дети, – сказала Сакина-апа, – Искандер сейчас сирота, его мать уже не вернётся, а ваши мамы, слава Всевышнему, живы-здоровы. Пекут, наверное, вкусности. Если вы принесёте в школу блины, пироги, то не забудьте угостить и Искандера.

В школу Искандер пришёл после поминок. Он стал каким-то другим. Глаза были потухшие, а пальцы, как у Шурале, постоянно были в движении. Когда учительница вызывала его к

доске, он всегда выбирал длинный кусок мела и начинал писать им. Но мел ломался и кусочки разлетались, как жемчужинки, в стороны. Мы замирали от страха – попадёт ему сейчас... Ну зачем нужно брать именно этот кусочек мела, есть же там, лежат в коробке и помельче куски. Но Сакина-апа, ругавшая недавно нас за такие шалости, почему-то, начинает смеяться. И мы тоже вместе с ней хохочем. Общее веселье сближает нас.

Через неделю после смерти матери у Искандера был день рождения. Мы встали в хоронд и стали петь о том, что ветры счастья в его сторону подули, и что он станет счастливым. Подарили ему карандаш и тетрадь в линейку. Искандер тогда впервые после смерти матери улыбнулся...

Он сидит за мной. Во время урока я чувствую, как он сжимает в своих руках мои алые ленточки, заплетённые в косы. Искандер ни разу не дёрнул меня за волосы. Он единственный такой в классе. Остальные, кажется, считали девичьи головы за горшки. Когда на твою голову учебник «Русской литературы» падает, то в глазах видится сам Пушкин...

А о наших зимних времяпрепровождениях можно написать даже роман...

* * *

– Искандер, ты помнишь горку перед вашим домом?

– Как не помнить...

Он снял очки, и я с удивлением заметила, какие светлые были у него глаза и какой яркий свет выливался из них. Казалось, не лампы из потолка освещали этот зал, а его глаза.

– Те большие санки, знаешь, кто нам сделал тогда? Дед Ахмадулла... Я ему надоел со своей просьбой... а он спрашивает, кого это я хочу катать с горки. Я взял и признался, что Лейлу. «А если она не сядет в твои сани?» – он с ухмылкой так меня спрашивает. «Если она не сядет, то Раилю посажу», – ответил я ему... Кстати, я слышал, что Раиля болеет... Я ей могу помочь... – Искандер указал на толстый карман пиджака и вдруг тяжело вздохнул: – Эх, девочки, не любили вы меня... Не любили.

В деревне мало кто знает о болезни Раили. Одна из них – я. И то случайно узнала... По приезду из деревни зашла в аптеку за активированным углём. После маминых беляшей желудок тяжелел и уголь помогал нам...

В аптеке передо мной появилась молодая Раиля. Копия мамы – её дочь. Остановилась.

– Лейла-апа, это вы? Вот где суждено было нам встретиться, – стараясь улыбнуться сказала она.

– Ничего не случилось, Лилия? – я была поражена её видом.

– Да нет. Вот лекарство искала. Не нашла...

– А что за лекарство? Может, я смогу помочь? Тётя моя работает в горздраве... да и сама знаешь уж.

Когда Лилия назвала, какое лекарство она ищет, по моему телу пробежали мурашки.

– Кому?

– Матери. Только никому не говорите, пожалуйста.

Мы, конечно, и после этого в деревню посылали лекарства. Но никому не было сказано ни слова.

А Лилия и без нас бы справилась. Вся деревня знала, как она мать свою отправляла отдыхать в санаторий, хотя она иногда ложилась и в больницу, но все думали, что она в санатории. У Лилии иномарка. В нашу деревню только две иномарки приезжают, Лилия и Искандер ездят на них. Дочь посадит Раилю в машину и увозит. В деревне всем известно, что у Лилии в Казани две квартиры. Может, ещё есть... Она старательная и умная девушка.

Лилия не отказалась от нашей помощи. Наверное, ей хотелось, чтобы мама порадовалась, узнав, что и подружка её не бросает в беде, и нам было приятно слышать, что лекарства помогли Раиле.

– Если нужно Раиле помочь, я смогу это сделать, – повторил Искандер и вытащил из кармана толстую пачку денег.

– Не знаю...

Искандер смотрел на меня с удивлением, не находя что сказать. Затем кое-как затолкал деньги обратно в карман.

Мы замолчали. О чём он думал, не знаю. А я сидела на стуле, как каменная статуя. Надо же, Раиле Бог ниспослал такую болезнь, но сделал так, что она не преклоняла колени перед богачами...

– Знаешь, Лейла, – заговорил Искандер, – в девятом классе, когда я пошёл провожать Раилю, пацаны с её улицы меня так избили, что кровь из носа шла не переставая... Лицо снегом умыл, и домой... а родители меня словно и не заметили тогда... Вот сейчас кто тронул бы моего сына, я бы им показал шишкину мать!..

– Мальчики нашего времени были настоящими мужчинами, – я продолжила беседу, – тебе, наверное, один раз только и попало. И то по ошибке, может быть...

– Да... наверное, ты права... – улыбнулся Искандер.

* * *

Осенние дни бывают разными. Часто идёт моросящий дождь. Капли его такие же разные, как и мы. Одна мне на ресницы садится, другая на лицо Искандера, а третья сразу падает на землю... Хоть нас и много, и мы разные, и учимся в школе соседней деревни, а родная деревня для нас всех одна. Наша деревня. Всё лето мы собираем ягоды в её лесах, пасём коров на её лугах, осенью собираем урожай на её широких полях...

– И как государству повезло же с вами, вы и нас перегоните, – со смешком в голосе проводил меня дед на работу...

А Искандера в тот день провожала чужая тётя. Пожелала нам доброго пути, а сама, несмотря на холод и дождь, осталась стоять у ворот. «Отец привёл ему новую мать», – прошептала мне на уши соседка Савия.

Сердце моё сжалось. Стало очень жалко Искандера. Мы же в тот день на уроке прочитали сказку «Мачеха»...

Дождь моросит и моросит. Куртки тонкие, все без перчаток. Ах нет, не все, оказывается... У Искандера на руках были перчатки. Совершенно белые... Пальцы его нервничали, не знали что делать, как тогда, после смерти матери. Это было заметно даже в перчатках. Когда мы подошли к окраине деревни, я обернулась назад и увидела, что та тётя всё ещё стояла у ворот и провожала нас взглядом. В сером тумане она казалась белой тенью.

Подъехала машина. Все погрузились в кузов и выехали по грязной дороге в картофельное поле. Дождь всё ещё моросил.

– Ай-яй, ребятки, неужели сможете что-нибудь в такой грязи сделать? Да и дождь холодный... – сказал шофёр дядя Фаргат.

– Может, не будем заходить в поле? – Учительница задумалась и с грустью посмотрела на нас. – Давайте, не будем. Поехали обратно.

А мы стали смеяться, толкать друг друга, чтобы согреться. Только Искандер стоял в сторонке и смотрел на свои руки в белых перчатках.

Мы снова полезли в кузов. Только Искандер оставался без движения, уставившись на свои руки.

– Подождите. Я хотя бы замараю перчатки жены отца, – и обеими руками полез в грязь...

У меня потемнело в глазах. Даже учительница ни слова не смогла вымолвить. Мы все знали, как он любил свою мать. Поэтому, жалея, его старались угощать тем, что приносили из дома. Но он почему-то не брал наши блины и лепёшки. Конечно, кому понравится выпечка из чужих рук, тем более когда нет своей матери?!

Хотя иногда Искандер оставался в стороне, словно ландыш в тени, он всё равно не любил одиночество. А дома, где стала хозяйничать чужая тётя, он, наверное, почувствовал себя одиноким. Однажды я подслушала разговор соседки с мамой. Искандер как-то под подушку спрятал краюху хлеба и уснул. А утром в школу побежал. Молодая жена отца стала убираться и нашла этот кусок хлеба...

Мачеха об этом рассказывала сквозь слёзы. И в деревне народ разный, кто-то от всей души жалеет, а кому-то всё равно. Но Нурхаят-апа, говорят, сказала, что приняла пасынка, и, перед Всевышним дала слово, что будет любить его как своего сына...

И правда, в деревне о ней все говорили только хорошее. Наверное, и рассказывали любя. Деревня не сразу оценивает чужака, а только по происшествию времени, по поступкам даёт молодым невестам оценку.

Зимой, в выходные, мы катаемся на санках. Горка перед воротами искандеровского дома всегда бывала выше наших, поэтому все собирались около них. Через некоторое время со стороны дома распространяется запах испечённых блинов и раздаётся ласковый голос:

– Сынок, зайди уж, замёрз, наверное, да и блины готовы... согреешься и снова выйдешь...

Это бывала тётя Нурхаят.

А остальное мы видели сами: в школе, когда мы приносили лепёшки, Искандер – треугольники, когда мы ели блины, он вытаскивал из своей сумки кыстыбый⁷... Иногда ему хотелось и со мной поделиться.

– Лейла, обернись, пожалуйста, на, угощайся, – сам торопясь делит кыстыбый на два кусочка и протягивает мне.

– На, поешь, вкусно очень...

Я не беру кыстыбый. У меня есть своя мама...

* * *

Лампы ресторана смотрят на меня с укоризной. Я для них чужая. Временами они кажутся далёкими как звёзды. Да и сама на них смотрю нехотя.

– Я каждый год на Сабантуй⁸ приезжаю. Как спонсор... Неужели ты не видела меня ни разу? – Искандер ждёт ответа, прервав мои воспоминания.

В нашей деревне Сабантуй проходит на райском местечке – на лугу нашего детства. Его со всех сторон окружают леса, словно сторожа, высятся горы...

– Если даже и приезжаю, я не хожу туда. Там не бывает моих духовных друзей.

Как и следовало ожидать, не понравился мой ответ ему. Промолчал. Он и сам хорошо знал, что на Сабантуй в последние годы ходят спонсоры и те, которые на что-то надеются от них.

Слово «спонсор» напомнило мне о мечети, возвышавшейся в нашей деревне. Построил её Искандер. Жена его Гулькай иногда приезжает и даёт уроки религии.

– Односельчане тебя уважали за мечеть, благодарны тебе, – продолжаю беседу. – Сама слышала.

– Правда? Неужели так говорят?! – глаза его загорелись.

---

⁷ Кыстыбый – разновидность пирога с открытыми, незащищёнными краями, начинённого тонким слоем каши или картофельного пюре.

⁸ Сабантуй – праздник плуга.

– Ну да, так и говорят. Давай попросим одного журналиста, пусть напишет о тебе, вся республика узнает, – говорю я, – добро должно возвратиться добром... не правда ли?

Искандер громко рассмеялся. Потом наклонился ко мне и шёпотом сказал:

– Пожалуйста, Лейла. Не пиши об этом, а то станут проверять каждый кирпич.

Я растерялась. Полагала, что все мечети строятся из халяльного кирпича. Стало неловко от своей наивности.

– Может, в деревню проложить асфальт? – продолжил Искандер, – сосед Ихти-агай каждый раз об этом просит, – он, сам того не замечая, опять погладил набитый деньгами карман, – и родник можно будет повернуть в сторону деревни...

Когда услышала про Ихти-агай, я рассмеялась. Он был у нас шутником, каждый раз, когда я приезжала, твердил и мне, что будет просить Искандера проложить дорогу. И добавлял: «Времена порченные, а дороги прочные...» Про это я промолчала.

– Да и на кладбище невозможно проехать. Там и мой папа, и твои родители лежат. Все наши бабушки-дедушки, вся деревня... Если зайдёшь туда, то кажется, что ты один блуждаешь на этом свете, – сказала я, вспомнив, как кладбище с каждым годом расширяется, а деревня будто становится меньше.

– Да... – его голос дрогнул.

На крыше ресторана плясали дождевые капли. На улице усиливался дождь.

– Надолго ли испортился день? – Искандер вопросительным взглядом посмотрел на меня.

– У осени разные дни, – ответила я.

– Да...

* * *

Наконец-то, и мы выросли. Перешли в восьмой класс. Ленты с волос упали. Чтобы не отставать от одноклассниц, и я отрезала свои косы. Единственная нить с Искандером была порвана, он уже не мог играть моими лентами...

Мы всё так же выезжали на колхозные поля собирать картошку. Разными бывают осенние дни. Часто идёт моросящий дождь. Все залезаем в кузов машины. Дрожим от холода, от ветра. Искандер прижимается ко мне.

– Лейла, – шепчет он, – замёрзнешь же... иди сюда, повернись ко мне спиной, почувствуй тепло моей груди...

Я закрываю глаза. Мне стыдно. Хорошо ещё, мама не слышит. В восьмом классе классным руководителем у нас стала моя мама. Каждого своего ученика она тёплыми пожеланиями проводила, помогла выбором профессии. Меня, которая училась на «отлично» и как пять пальцев знала химию и биологию, она видела только врачом. А я выбрала другой путь... выбрала творческую профессию. Только удачно ли?..

* * *

– Мне дорогу показала твоя мать, Лейла. «Ты, Искандер, наверное, станешь инженером. Математику знаешь. Да и сам выглядишь как инженер», – говорит однажды. Я даже не представлял, что это за профессия. При поступлении в строительный институт так и сказал, не знаю, что за специальность, но посоветовала учительница... Поступил... Выучили... Лейла, скажи, может, ей нужна помощь? – Вдруг он спросил о моей матери, и снова потянулся к карману с деньгами. Но тут же убрал руку обратно. Кажется, Искандер уже и сам устал от своих денег... – Что ей нужно? – повторил свой вопрос.

– Я откуда знаю? Мы всё ей привозим, – сказала я, – она там же, на Центральной улице живёт...

«Спроси у неё самой», – хотелось мне добавить. Он сделал вид, что не понял намёка. Я только обрадовалась. Выпускников у мамы много. Немало и таких, кто часто приезжает к ней проведать её...

– Я сам тоже на окраине города живу. Лес рядом. – Искандер изменил тему. – И собака не на привязи, бегает по двору в своё удовольствие.

– Не бойтесь, что кого-нибудь укусит? – спросила я.

Искандер лишь засмеялся, и я тоже присоединилась к нему. Я, оказывается, дом Нурхаят-апа представляю себе. Мы ведь на мир смотрим через разные очки. Вдруг вспомнилось, как Нурхаят-апа рассказывала о том, как и где живёт Искандер, что у него трёхэтажный дом – словно ханский дворец. Я тогда от души, громко смеялась... ещё переспросила, как называется улица, она повторила, улица Нуворишей. Она тогда добавила, что Искандер часто приезжает и помогает им...

Осенние дни бывают разными. На крыше пляшет дождь. Дождевые капли тоже разные.

– Ты даже виноград не поела. Давай, я тебе торт закажу, – вдруг сказал он. И назвал имя одного государственного чиновника, который любил такой торт. Мне показалось, что Искандер искренне хотел мне угодить.

Несмотря на моё сопротивление, большой и красивый, украшенный цветами торт вынесли на стол.

– Ладно, дома всей семьёй угоститесь, – в заключение сказал Искандер.

* * *

– Послушай, Лейла. Ты сегодня меня вернула в юность. Я же за все двадцать пять лет, как мы уехали из деревни, в годы молодости не возвращался. Оказывается, так весело и хорошо там! Спасибо тебе, Лейла! – Он замолчал, потом вымолвил: – Знаешь, Лейла, я увидел единственного человека, который не изменился за все эти годы... Как может такое быть, а?

– Помнишь, когда из школы возвращались, зайцы... летом серые, зимой белые... – я вспоминала ещё и ещё.

– Да. Они нас даже не боялись и постоянно выбегали на дорогу... Лес шумел... Деревья о чём-то шептали... И в сторону леса катится белый колобок... – Он опять заблудился в своих мыслях. – Вспомнил я ту притчу, Лейла. Вспомнил, как рассказывала наша учительница... Эх, были, оказывается, счастливые времена!

Юность, и правда, сама по себе прекрасна. Всё в мире кажется без изъяна, потому что там есть любовь, там есть мечта. Любовь окрашивает мир в яркие тона, мечта бережёт её от разрушений.

Дождь разошёлся вовсю. По оконному стеклу машины стекают капли. Через следы капель небо кажется хмурым: все тучи плывут в сторону нашей деревни...

Я тогда ещё заметила точно такой же джип, но не обратила особого внимания. Вдруг она нас стала объезжать...

Искандер очень зло и громко заматерился. Даже зрачки его глаз увеличились, заметила я в зеркале.

– Останови, я сойду, – сказала я, не зная, что делать.

– Извини, Лейла! Сейчас заедем к тебе на работу. Возьмём твоё пальто. Потом я тебя отвезу домой, – затараторил он. – Прости меня. Я же Искандер... Ты же меня знаешь, Лейла...

Ну и угораздило же меня!.. Мама же всегда твердила, что осень требует одежду, а весна – еды на дорогу...

Я так и не поняла, что случилось... Я же видела ту машину ещё тогда... Зачем-то мне нужно было увидеть её пораньше...

Мне всё не верилось: неужели Искандер так матерился? Это он? Может, потому, что я не позарилась на его деньги? Или я просто копаюсь в его поступках? Нет, всё-таки разрыв с юностью губит человека. Но и разум тоже, – я старалась оправдать Искандера.

– Вот из туннеля и вышли, – сказал он, когда мы подъехали к моему дому.

Я задумалась и спросила:

– И кто же из нас слепой?

– Каждый ищет дорогу по-своему, – ответил Искандер.

* * *

– Мама, а ты почему розы в воду не поставила? – я проснулась от голоса дочери. – И папа не поставил, и брат не увидел...

У нас с мужем полное взаимопонимание. Друг от друга нет никаких секретов. Искандер проводил меня до дверей квартиры. Я пришла с красивым большим тортом и букетом. Искандера и муж хорошо знает. Раньше мы, при социализме, все вместе на одном автобусе до деревни добирались... А потом начал зарождаться капитализм и Искандер создал своё ООО. Пересел в личный автомобиль. Сейчас уже имеет своего водителя. Мы остались верны своему государству, которому доверяли...

Мы с мужем оба уснули, обсуждая мою встречу с Искандером. В окно бился осенний дождь. Даже сквозь сон я слышала его. В такую ночь наше детство казалось сладким сном...

Когда я встала и вышла посмотреть, я поразились: на тумбе лежала целая охапка завядших ярко-красных роз...

Осенние дни бывают разными. А сегодня мой дом показался мне таким светлым: несмотря на то, что небо было хмурым и не переставая шёл дождь, окна будто улыбались, излучая воспоминания детства.

Бык

Живой мир имеет свою мелодию. Весной она особенно чувствуется. Каждое живое существо смотрит на мир по-своему, с надеждой на долгую, светлую жизнь; и по земле распространяется мелодия свободы, воли.

Солнце с любовью дарит своё тепло каждому живому существу на земле. Молодые листочки, недавно появившиеся из почек, качаются на весеннем ветру и тихонько лепечут. А ласковый и нежный ветерок катится и катится по земле тёплым комочком, даря всему живому свой свежий аромат. Слышится звук нового, недавно сплетённого пастухом кнута.

В один прекрасный летний день в деревню спускается колхозный бык... И в начале улицы слышится его немного грустное, но гордое мычание:

– М-м-м...

А сам он такой грозный и очень страшный!

Нет-нет, в день выхода стада на пастбище его ещё не выпускают из фермы. Ждут, чтоб коровы успокоились. Пока он, такой громадный и тяжёлый ходит около своего колода, гремя толстой цепью на мощной шее.

Первый день, когда уходит стадо на пастбище, выглядит радостным. Как и все люди, точно так же и весь животный мир – коровы, тёлки, овцы, тоже стремятся на волю. Коровы мычат на своём никому не понятном языке, будто медведи после долгой зимней спячки... И кажется, что вся жизнь в деревне становится взаимосвязанной с этими таинственными моментами, когда провожают и встречают стадо.

В день выхода стада моя бабушка почему-то тихонько плачет. Из её глаз слёзы так и льются. Может, радуется весне? Или думает о том, что с каждой весной проходит и её жизнь?... Наверное, сама знает... Ведь и провожает, и встречает стадо только она.

Может быть, всё-таки радуется, что повторяется весна жизни...

Проводы домашних животных на пастбище. Первый день... Для птиц во дворе не остаётся места, они разбегаются в разные стороны. Куры с громким кудахтаньем ищут, куда спрятаться. Петух взлетает на сарай и недовольный творящимся безобразием, оповещает вокруг:

– Ку-ка-ре-ку-у-у!

Пахнет молоком и зелёной травой. Бабушка выносит корочку хлеба с солью и даёт корове. На рога завязывает красную повязку. Кудрявые и с красными бантиками барашки бегают возле бабушки. А она гладит их и бормочет себе под нос: «Прячься от медведя, от волка беги, от совы проси пух!»

– И-и, видишь, дочка, как твоя бабушка делится со всем животным миром своим душевным богатством! – мама с любовью улыбаясь наблюдает за бабушкой.

А животные, выходя со двора, сразу же наклоняются к молодой травке, принохиваются, шумно вздыхают и медленным шагом направляются в сторону пастбища...

И вот в один из дней в деревню спускается бык с колхозной фермы... Он уже устал от жизни в грязном сарае, скорее хочет на волю. Да и кому захочется всё время жить на цепи?

Вот он, почуяв волю, гордо вскидывает голову и издаёт негромкое, но слышное на всю деревню утробное мычание. Вся улица затихает. До сих пор чувствовавшие себя хозяевами и вольно бегавшие собаки исчезают с улицы. Они узнают его голос издали, кажется, что на деревню идёт напасть... Его никому не остановить – ни людям, ни собакам. Запираются все ворота. И когда только люди успевают прятаться...

Бык останавливается перед окнами, своими копытами роет землю, в разные стороны летят комки...

За воротами шепчутся люди:

– Смотри-ка, что делает! Сколько силы в нём! Ах, окаянный!

– Свою любовь... наверное... ищет...

Слышится смех.

– Т-с-с, не шумите. Каждую весну по два раза же спускается в деревню. Говорят же, что болезнь уходит, но привычка остаётся...

Вторит мужской голос:

– И ему хочется жить на свободе... Он же тоже живое существо. Пусть повольничает...

Несколько женщин отвечают ему:

– Ну да, пусть, пусть ходит. Но зачем землю рыть? Всю улицу испортит, бессовестный...

У нас в деревне все кусты и деревья, растущие на улице, огорожены старыми досками. Бык своим тяжёлым весом задевает их, и слышится, как они падают. А бык вдобавок эти пахнущие гнилью щепки своими рогами подбрасывает вверх.

– У него своя война против нищеты, – говорит мой дед, который воевал.

Он в своё время сам ухаживал за быками и знает их повадки и нравы. Дедушка улыбается.

И смотрит на быка, открыв окно. Наверное, вспоминает свою молодость...

А бык тяжёлыми шагами направляется в сторону «пирамид» из кизяка... Самое страшное: что внутри них сидят люди, то есть дети... мы уж... Но об этом никто из взрослых не знает... Даже мамы...

У нас из навоза делают кирпичи, так называемый кизяк. Около наших деревень нет лесов. А как зиму прожить без дров? Куда денешься, мы уже привыкшие. И заготавливаем на зиму из навоза кизяки.

Папы долгими зимними вечерами для работы делают формы из старых досок. Обычно там умещается два кизяка.

Взрослые вывозят навоз на улицу, расстилают на земле кругом и обильно поливают холодной водой из колодца. Потом туда пускают лошадь, которая так и ходит по навозу, пока этот навоз не превратится в болотную жижу.

Ну а после лошади в это болото идут сами люди, в основном босоногие дети, топчут навозную жижу, взрослые всё время добавляют воду. А она холодная, и мы, вскрикивая, кидаемся в разные стороны. Жижа становится тягучей, вязкой. И вот начинается самая грязная часть работы: ты эту жижу раскладываешь в формы и тащишь по земле подальше от забора, на свет. Там уже приготовлено место, огорожено. Наши кизяки лежат рядами как домино. Тяжёлый труд, но получаешь удовольствие от того, что готовишься к зиме, что помогаешь взрослым.

Через неделю начинается самое интересное: кирпичи нужно переворачивать, потом собирать и строить «пирамиды». Это мы любим. Кладёшь кирпичи один на другой, оставляя между ними просвет. А высокую часть «пирамид» уже взрослые достраивают после нас.

Перед каждым воротами кипит работа. Вся улица наполняется серыми «пирамидами» из кирпичей-кизяков. Меняется весь облик деревни. Она кажется великаном, который вышел воевать против нищеты, против морозов и холодов. Значит, зима нам не страшна. Значит, кирпичи, высохшие под тёплыми лучами летнего солнца, не дадут нам замёрзнуть...

Иногда мы, сидя внутри «пирамид», наблюдаем за улицей... Взрослые, конечно, не знают об этом. Нужно уметь вовремя спрятаться, пока тебя никто не видит...

А если заметят родители... то это кончается плохо. Однажды мать Расиха увидела в окно, как её сын юркнул в «пирамиду». И потом порола его розгами. Он, мужчина, во весь голос ещё и плакал...

Нет, родители нас не понимают, ведь нам же нужно быть смелыми и ничего не бояться, а как и где научиться этому, не известно. Будто бы сами не были детьми...

Меня ещё ни разу не поймали...

Эти прятки в одиночество меня делают смелой...

Сверху убираешь два-три кирпича и спускаешься вниз. Сидишь себе в тишине...

Здесь ты наслаждаешься ею, слушаешь мир... ты слышишь никому не известные голоса...

Появляются другие таинственные ощущения, чувства... Они приглашают окунуться в их мир...

А наверху между собой разговаривают тополиные листья. Они ждут дождя, воздух становится тяжёлым от невыносимой жары. Но небосвод ясный, ни облачка на нём. Только солнышко висит, похожее на рыжий апельсин. Его лучи проникают даже внутрь «пирамид». Словно и небо разделяет наши мечтательные мысли. Не хочется вылезать отсюда... Мечты, мечты, как и «пирамиды», обволакивают наши мысли и тело... мы следим за происходящим на улице, глядя в просветы между кирпичами. Просветы – это глаза «пирамид»... Смотрим вдаль, а там за околицей – большая дорога, путь во взрослую жизнь...

Вдруг доносится мычание быка:

– М-м-м...

Представляете, что творится со мной, с маленькой девочкой, которая сидит в «пирамиде» и следит за огромным чёрным быком, который рушит всё подряд на улице? Нет, наверное, не представляете. Всем своим телом припадаешь к земле, сжав кулачки, лежишь не дыша. Вот сейчас он как зарычит, все кирпичи от его громкого голоса попадают, а ты останешься под ними и умрёшь. От страха ты сильнее обнимаешь землю. Кажется, что и земной шар становится бессильным. Перед такой грозной силой весь мир сдаётся...

Вспоминается молитва «Альхам»... Но губы молчат. Бабушка говорит, что эта молитва бережёт от несчастий. А ты, хоть и знаешь об этом, но никак не находишь в себе силы, чтобы прочитать её, в душе беззвучным голосом начинаешь плакать. Без слёз. От страха...

Кажется, что много времени уже прошло, месяцы, годы. А ты одна в этой «пирамиде» так и осталась жить... Мгновения разбивают и ум, и сердце, ты это замечаешь, разум покрывается пеленой... с одной стороны, может, оно и к лучшему, что ты забываешь о чём-то страшном...

Наверное, так себе чувствует муха, которая попадает в паутину...

Бык снова издаёт утробное мычание:

– М-м-м...

Своими копытами роет землю. Комки летят в разные стороны. Да и сам становится похожим на шайтана. Задевает деревья. Молодые ветки ломаются с хрустом. Старые ветки стонут. Такое ощущение, что под землёй их корни приходят в движение. Обычно, буря их так трогает...

И бык двигается дальше, ломая на своём пути всё – заборы, деревья, «пирамиды»... Всё сломанное, развороченное остаётся лежать на земле. Его пыхтение, должно быть, слышно на том конце деревни...

После нескольких минут тишины деревня приходит в себя. Бормоча себе под нос, выходит из ворот бабушка:

– Говорила же вам, не бегайте в это время по улице. И где же они теперь, детки мои?..

Хочется крикнуть: «Бабушка, я тут!» Но не могу. Нет голоса. Губы не слушаются. Сердце всё ещё сильно стучит... Я, кажется, не умерла... Я успокаиваюсь... Если узнают, то дела плохи! Скажут: «Разве девочка должна быть такой?..»

– Вот смотри, что сделал. Всё старое, весь хлам перевернул, разбросал. Наверное, думает, что мы богатые люди... Бунтует против нищеты... А люди что, должны зимой помереть от морозов?! Ах, окаянный, окаянный! – Бабушка ругает, на чём свет стоит, быка.

Появляются соседи. Вся улица выходит на уборку...

Между собой разговаривают:

– Говорят, когда бык бывает разъярённым, то телега ломается. Тут не только телега, всё сломалось... Вот это да, субханаллах!

Мне становится тесно в «пирамиде», да и какой-то спёртый запах тут. Хочется вдохнуть грудью свежего воздуха...

Люди долго расходятся. А тебя «пирамида» всё теснее прижимает к себе, ты будто бы находишься в кольце. Одиночество разгоняет все розовые мечты. Тебе бы выйти скорее отсюда... Да, бедный бык, наверное, поэтому так и разошёлся, выйдя на свободу, почувствовал волю... Он же тоже живое существо...

* * *

Я иногда сравниваю людей с животными или зверями. В ком-то замечаю крысиное, а в ком-то заячье. Встречаются и такие, похожие на белок, которые с одного дерева прыгают на другое, ищут, где орешки крупнее и вкуснее...

Зайцы всё бегут и бегут, мягко ступая на землю...

Лисы... Ах, их так много... Пробегают туда-сюда, только хвосты и видать...

Да и свиной не мало. Они уже и не прячутся...

Ослы... овцы... лоси... Оказывается, природе нужна каждая тварь.

Люди разные. Может, поэтому и секреты бывают разными... Может, поэтому они и одинокие... У каждого человека свой мир. Там им хорошо, там всё своё. Даже самому близкому не дано разгадать внутренний мир человека...

И почему я решила писать об этом?

Оказывается, я знаю одного художника, у которого очень добрая душа. Он вырос в деревне. Насквозь видит и свой мир, и чужой тоже... Своими вечными метаниями в поисках истины, и своим видом он мне напоминает нашего деревенского быка из моего детства...

Уехать в любви...

День с утра выдался очень жарким. И этот летний зной длился уже долго. Солнечные лучи как горячие стрелы впиваются в тело, и в такие моменты хочется сбежать от этой жары на Север к белым медведям. Но приходится терпеть, моя работа требует выдержки и терпения... Не считаясь ни с чем, путешествую по этому чёрно-белому противоречивому миру, ищу правду... А к этой правде путь не из лёгких, путь к ней вымощен душевными переживаниями и тяготами...

Снова беру в руки ручку. А с тетради смотрят на меня грустные, как у марала, глаза. В ушах слышны голоса – кажется, небольшая капелька надежды мечется в море страданий: «Оставьте нашу деревню! Оставьте деревню! Вы же можете...»

Откуда-то из глубины души поднимается знакомый звук и заставляет тебя вздрогнуть от неожиданности. «А могу ли я?» – задаю вопрос самой себе. Я же всего лишь простая журналистка! Вот только поэтому редактор и отправил меня с группой депутатов в эту командировку. Естественно, как это высокие чиновники могут остаться в стороне, когда в сёлах закрывались школы? И мы всю эту правду должны отразить в печати...

С утра так и печёт. Зря испугалась жары и духоты, оказывается, у депутатов транспорт со всеми удобствами: здесь и кондиционер есть, который обволакивает тебя нежным, ласковым ветерком: да и сидения напоминают мягкий уютный уголок рая.

Мы едем навстречу солнцу. Кажется, будто и солнце само бежит к нам...

Сказали, что в распорядке дня всего один вопрос: оптимизация. Для села эти «ция» уже давно знакомы: революция, коллективизация, конфискация, девальвация, индустриализация, приватизация – село всё это пережило, ну а против оптимизации у села не осталось сил. Так размышляет моя душа. Сердце деревни, наверное, уже превратилось в камень, пока противостояла всем ветрам современности.

Вот мы въезжаем в деревню, она как бы душу свернула в комок. Мы едем по улице, покрытой зелёной травой. Природа будто старается угодить нам, расстелила для встречи гостей роскошный зелёный палас. До нас никто не наступал ещё на него. Местами встречаются забитые досками окна, покосившиеся ворота, предвещающая что-то нехорошее. Деревня кажется прекрасной только тогда, когда там всё благоустроено...

– Остановимся около школы, – предупредил кто-то водителя.

Нас встретили женщины в разноцветных платьях и фартуках, будто сошли с полотен художников. Они миглом окружили нас.

В таких местах, обычно, пока руководители думают, народ уже начинает высказывать своё мнение о происходящем. Потому что народу не нужны трибуны. И здесь получилось то же самое.

– Дочка, пожалуйста, сделайте что-нибудь, не закрывайте школу. Если школы не будет, то и деревне конец, – одна бабушка, заправляя свои волосы под белый платок, смотрела мне в глаза. Я вздрогнула, её взгляд напоминал грустные глаза марала. – Наша деревня рядом с городом. И дети когда-нибудь всё равно вернуться. Внуки подрастут, и куда им потом деваться, кроме родного, отчего дома?

Я обратила внимание на здание школы: оно было старым. Брёвна потемнели. Рядом с нашими великолепными автобусами и иномаркой – большим сверкающим на солнце джипом главы района не только старая школа, сама деревня даже потеряла свой вид. От них, казалось, пахло стариной и затхлостью...

Позвали директора школы. На все вопросы, оказывается, должен был отвечать он. Среднего роста худощавый директор погладил свои покорные волосы, помолчал и потом, стараясь не выдать своего волнения, сказал:

– Дело в том, что у нас учатся всего десять учеников, а в этом году в первый класс поступать некому. На следующий год, конечно, есть один ребёнок, а через год двое ребят.

– Если закроете школу, и они уедут в город, – все разом заговорили женщины. А стоящая рядом со мной бабушка наклонилась к моему диктофону и прошептала:

– Дочка, скажите депутатам, пусть не закрывают школу. наших малышей не гоните из деревни!

– Скажите сами...

– Они нас не слышат. У них свои проблемы... Деревня и так уж осталась сиротой. У сирот не бывает родителей, – добавил кто-то своё слово.

Конечно, можно было понять состояние жителей, которые впервые в своей жизни видели настоящих депутатов у себя в деревне. «И не услышат, – сказала я про себя, – потому что оптимизация идёт уже давно. Она, глотая школы, с большой скоростью стремится вперёд. А в газету мы напишем, постараемся передать ваши слова. Скажем, что деревня думает так».

Пригласили посмотреть школу. За группой депутатов и мы прошли внутрь. Полы, будто эхо из прошлого, скрипели под нами. Я даже забыла, где находилась, передо мной встала картина из прошлого, из моего детства, и казалось, из всех щелей пола выглядывали мои школьные годы.

В середине большого коридора стоял бак с водой, накрытый белым полотенцем. А над ней, на стене – портрет Ленина... На всех четырёх стенах висели портреты Ньютона, Ломоносова, Менделеева и других просветителей и учёных. Я потеряла дар речи и забыла, что живу в двадцать первом веке. Это точно школа, а не музей?

* * *

Краски хоть и разные в наших альбомах, но мало рисунков. В течение учебного года мы рисуем всего три вещи: с начала сентября по новый год – рисуем листья (потому что осень – пора листопада), с нового года до самой весны – ёлочку (мечтаем о разукрашенной ёлочке уже с осени), а когда появляются на небе перелётные птицы, то начинаем рисовать скворечники. Естественно, урок рисования начинается с того момента, когда учитель вешает на доску лист большого белого ватмана с рисунком красно-оранжевого кленового листа. Картина эта уже состарилась: сколько поколений учащихся на неё глядя рисовали, и от их взглядов, наверное, она потеряла свои первоначальные краски.

– Дети, – говорит учитель, а сам кладёт на стол высохшие разноцветные осенние листья. – Обратите внимание, какая волшебница природа, вот среди этих листьев есть ли друг на друга похожие листики? Нет... Люди тоже такие разные... Вы тоже станете большими. Выберете разные профессии. Может быть, из вас получатся учителя, врачи, и даже учёные...

Мы переглядываемся. И правда, мы не похожи друг на друга? Вроде бы одинаково одеты, большой разницы нет. Тёмное платье, белый фартук, ещё и белые ленточки на волосах. На мальчиках – тёмно-синего цвета пиджаки с погонами. Одежда на нас больше на два-три размера. Матери стараются так покупать, чтобы мы могли их носить несколько лет... Мы – девочки, более-менее бережём свои формы, но мальчишки... Они не оправдывают надежды мам. До конца учебного года уже появляются дырочки и на коленях, и на локтях. И большие заплатки... Но у нас у всех на груди одинаковые звёздочки с портретом юного Володи Ульянова-Ленина. Все пять уголков горят красным огнём, ни у одной не выцвел цвет. У нас даже одинаковые альбомы для рисования, потому что их достаёт и привозит сам учитель.

– И люди тоже разные, – повторяет учитель, сам одной рукой отодвигает листья на край стола, а другой рукой берёт стакан с водой и делает глоток. Он не может без воды. Из бака, который стоит в коридоре с водой, он наливает стакан воды и пьёт то ли настойку, то ли яд. По

классу распространяется запах валерианы. Это у него привычка или болезнь – мы не знаем. Но он никогда не допивает воду, стакан так и стоит на столе наполовину полный.

Мы одно знаем: учитель к нам приезжает из деревни за десять километров даже в зимние морозы, на лыжах. Он иногда бывает похожим на снежного человека: сам высокий, худой, весь белый. Поверх ушанки завязан оренбургский пуховый платок. И на платке, и на ресницах, и на бровях сверкает иней, намазанное гусиным жиром лицо блестит. Мне папа сказал, что этот жир не даёт заморозить кожу лица. Иногда ребята на обложках рисуют учителя в виде снеговика с красным морковным носом. Потом хвастаются перед нами, девочками. Учитель нам ни разу не давал задания нарисовать Деда Мороза. Всегда просит рисовать ёлочку. Мальчики есть мальчики, не слушаются...

...А последний урок у нас – пение. Урок пения очень нравится и нам, и учителю. Потому что слова песни выучили наизусть, каждый день же распевали. Никаких сложностей нет!

Вставай, проклятьем заклеимённый,
Весь мир голодных и рабов! —

запеваем громко хором, в конце куплета тянем «о-о-ов». Мы все голосистые. Учитель, как только мы начинаем петь, подходит к окну и при любой погоде открывает форточку. А сам всё посматривает в окно. Напротив нашего окна – сельский магазин. Там постоянно толпятся мужики... Они или долго спорят, или их там держит какой-нибудь горький или же сладкий напиток, они всё время там... Кажется, учителю даже нравится, что около магазина всегда есть люди. Потому что он только глянет в окно, снова просит нас начинать с первого куплета:

– Так, давайте, ещё громче поём, ребята!
И мы поём, знаем же песню!

Вставай, проклятьем заклеимённый,
Весь мир голодных и рабов!

Учитель смотрит в окно и приказывает уже спеть и на русском языке:
– Поехали! Ещё громче поём!

Мы продолжаем петь. Песня с каждого куплета становится сильнее и сильнее... Люди, стоящие у магазина, поглядывают на нашу сторону. У учителя поднимается настроение.

У нас есть ещё один любимый урок: физкультура. Здесь все свободны: бегаем как джейраны, прыгаем как кенгуру, а если устаём, то можем и посидеть. Потому что это урок игр. Да и учитель ничего не говорит. Иногда нам кажется, что ему всё равно.

Но вот подходит к концу четверть. Учитель выходит перед классом:

– Дети, открыли дневники? Все по пению, физкультуре и рисованию поставьте «пятёрки».

Это предложение будто бы украшает нашу однообразную жизнь. Мы уже привыкшие к тому, что наш учитель особо не радуется, и не печалится, и не говорит лишнее.

– Фронтвики такими бывают, – говорит моя бабушка.

Вообще-то, мы очень рады тому, что в дневниках стоят «пятёрки» по пению, рисованию и физкультуре. Потому что знаем: для умения рисовать нужен дар от Всевышнего. Говорят, что это связано с построением мозга и что в мозге есть такие нервы, которые взаимосвязаны с руками и глазами. Если их нет, то не получится из тебя никакого художника. Об этом из газеты прочитал мой папа.

И для пения нужен талант. И редко рождаются, оказывается, известные спортсмены. Но мне иногда так хочется стать певицей. Хотя бы не такой знаменитой артисткой, как Альфия

Авзалова, но... Душа надеется на лучшее. В день, когда у нас бывает урок пения, я стараюсь держаться ближе к бабушке. Потому что хочется петь.

А однажды взяла и сказала ей:

– Бабушка, послушай, вот какую песню разучили мы.

– Слушаю, дочка, начинай, – она обняла меня и прижала к себе.

Я, как на уроке, запела громким голосом:

Вставай, проклятем заклеймённый,
Весь мир голодных и рабов!

Бабушка переменялась в лице, но краешками губ улыбнулась, погладила меня по волосам и сказала:

– Разве такая песня бывает? Песне не следует быть такой жёсткой. Да и мир, и людей проклинать – это грех, доченька. Иблис только проклятый. Всевышним... А песня она поётся вот так. – Она запела тихим голосом:

Наденут белое платье,
Опустят в землю сырую.

– Такие песни, дочка, называются «мунаджат»... А ты вроде бы и не поёшь, только декламируешь... И слова, и мотив выбраны неправильно, что ли? Песни бывают разные, доченька, скажи учителю, пусть научит вас. – Она снова погладила мои волосы:

Садятся соловьи на ивы,
Слетают с ив на тополя.
Полна головушка печали,
На сердце – грусть-тоска,
страдаю я.

Песня была окутана какой-то грустью, мелодия была тихая и печальная. Я стала смеяться. Учитель наш был похож на героя фильмов, в войне, гимнастёрке, в брюках-галифе, и я представляла, как он поёт такую песню. Вернее, не могла даже представить. Война закончилась уже давно, но учитель всегда ходил в военной форме, которая уже выцвела и состарилась. Он, то ли войне, то ли форме, то ли родине хранит в своём сердце любовь и передаёт её через песню.

Садятся соловьи на ивы,
Слетают с ив на тополя.

Нет, не подходит такая песня нашему учителю! И как он может научить нас тому, что не подходит ему самому?

Нас подслушала мама и сказала:

– Сама же говоришь, что человека учит жить не человек, а жизнь, но сама же мучаешь ребёнка, – и отошла в заднюю комнату.

Я чуть не заплакала. Те нервы, которые находились в моём мозге, стали приплясывать. Хотелось открыть дневник и показать «пятерку». Выдержала. Не показала. Потому что «пятерки» были у всех, и мы все были детьми природы... По словам бабушки, божьи дети...

Каховка, Каховка, —
Родная винтовка.

Как только я запела первые строчки, мама выглянула из дверей:

– О чём ты, дочка?..

После этого я дома не пела. Когда очень хотелось петь, я пела про себя:

Садятся соловьи на ивы,
Слетают с ив на тополя.

Вообще-то, я говорила об учителе.

Он над нами любит экспериментировать. По правде говоря, его свободолюбивая душа не запрещает нам заниматься тем, чем хотим мы. Вот мы открываем учебник. Находим сказку, которая была задана на дом.

– Ну кто начинает? – спрашивает учитель.

Мы впятером поднимаем руки. Он задумывается, потом нам всем разрешает читать сказку одновременно.

Если замечает, что кто-то отстаёт, то говорит:

– Фаиль, ты отстал, присядь, – и просит ученика закрыть книгу.

Игра так и продолжается, пока не останется самый лучший.

Однажды после уроков учитель пришёл к нам домой. Похоже, ему нужен был отец. Они оба фронтовики. Отец работал на поле, косил горох в жару и недавно только вернулся. Учитель разговаривает с отцом:

– Да, было дело на дуге... Курской... железо горело... И как мы остались живы, не знаю...

Вообще-то, нам не надо было возвращаться...

Я считала учителя самым счастливым человеком, и его слова меня ошарашили.

– Прошли через мясорубку, Султан, – сказал отец, – а теперь нужно жить да жить, что дал Бог... и никуда не денешься, пока живы...

– Но мы же никому не нужны, ни людям, ни стране... я только поэтому так...

– Всё равно нельзя жить с камнем в груди, родимый. По-другому никак...

С их беседы я поняла, что учитель после войны преподавал физику, потом стал заведующим роно, кто-то написал на него бумагу «служил на немцев» и его арестовали, после освобождения он много лет был конюхом в одном колхозе, а когда умер Сталин, то учителя оправдали... Потом его направили к нам учителем начальных классов.

Тогда, сидя за занавеской, я вспомнила один случай, который произошёл в школе. Моя тётя из Москвы привезла мне очень красивую тёплую кофту, на которой были вышиты розовые бабочки. От радости я и прыгала, и бегала по дому. В тот день старалась слушаться всех взрослых. На следующий день пошла в школу в этой кофте.

А в школе мы с Халимом поссорились. Не помню, что делили мы с ним? Ах, да, он сказал, что ветер не дует в сторону горы. Как только я ему ответила, что ветер дует во все стороны: и в гору, и в реку, потому что он ветер, он взял и замарал чернилами мою новую кофту. Как я плакала тогда! Учитель меня успокаивал, что завтра принесёт ацетон, и сам почистит мою кофту. На следующий день он принёс в бутылке ацетон. Потом стал тереть пятна... Чёрные пятна превратились в белые. Я тогда поняла: и белые, и чёрные пятна не хороши... что они оба смотрятся, как выпученные глаза.

– Мы выдержали такую судьбу, лишь бы дети были счастливее нас, – учитель тогда сказал отцу, – пусть уезжают отсюда. Деревни наши малые, но и мы не нашли здесь приют. Пусть уезжают в города! Там никто не знает друг друга...

Отец кивнул головой. Он тоже согласился с ним:

– Да, ты прав, Султан. Хоть бы они жили лучше нас. Пробовали жить, как приказывал Сталин... Только можно ли назвать это жизнью... – Отец замолчал, потом добавил: – Да за

твоей следом пойдёт и твоя чёрная борода, родимый. На изголовье больного, говорят, всегда сидит смерть...

– Конечно, это так. Но у каждого есть в жизни своя доля и своё серебро... нам вот не хватило серебра... – стиснув зубы, выговорил учитель, в его голосе было отчаяние и сожаление.

А Сталина я почему-то представила дедушкой Лениным. Потому что на стенах нашей школы висят портреты Ленина и Хрущёва. Когда идём пить воду к баку, мы всегда читаем вслух эти надписи под портретами. Однажды сняли их и повесили другие портреты. Под ними было написано «Косыгин» и «Брежнев». Мы ещё потрогали большие брови на портрете с надписью «Брежнев».

– Не бывает таких густых бровей, он приклеил их для фото, – объяснил нам одноклассник Зуфар.

А те портреты уборщица Галия-апа, оказывается, выкинула в мусор. Учитель не дал развития этому событию: он забрал их оттуда и дрожащими руками отперев дверь какой-то тёмной комнаты вроде склада, занёс туда.

Мы учимся в доме одного богатого человека. Правда, этот богач был моим прадедом. Папа вспоминает, что внизу, на первом этаже, были валяльные, пошивочные цеха и пекарня. Но об этом он один только помнит, и просит меня, чтобы я никому не говорила об этом. За нашей семьёй навсегда осталось прозвище «мулла», хотя наши деды и прадеды были угнаны в далёкие края.

А школа, дедушкин дом, стоит. Его брёвна толстые, и всё ещё жёлтого цвета, не выцвели за долгие годы. Его ставили настоящие мастера! В нашей деревне этот перекрёсток называют перекрёстком муллы. Здесь живут какие-то тайны. Потому что мамы всегда просят нас, чтобы мы не торопясь ходили по этому месту, оказывается, если упадёшь и сломаешь что-нибудь у себя, то больше никогда не выздоровеешь. Причина в том, что, когда увозили моего прадеда-муллу, он, якобы, здесь оставил свои заклинания...

* * *

Конечно, мы в газете написали, что, мол, так думает деревня. Написали всё обо всём, не пропустили и пожелания старушек. Рассказали и о самой школе. На следующий день был звонок сверху: «Вы ещё до сих пор не понимаете политику государства, держитесь за старое», – сказали нам. Молодая девушка из информационного центра обещала свозить нас в район, где уже была оптимизация.

Был мой долгожданный выходной день, но я согласилась поехать. И мы поехали.

Легковая машина летит по асфальту. Наверное, не догнать нас и ветру. Мы едем навстречу к солнцу. Кажется, будто солнце само бежит к нам... Меня очень радует, что страна развивается быстрыми темпами. Но журналист обязан выслушать мнения людей и донести до других. В нашей стране демократия! Каждый имеет право высказать своё мнение.

Машина наша летит как птица. Из головы не выходят слова старушек. А они говорят об одном и том же: «Не закрывайте школы! Оставьте их! Не гоните наших детей из деревни!..»

По обочинам стоят молодые берёзы, но создаётся впечатление, что они тоже бегут за нами. Желтоголовые пижмы, белая полынь на толстых стеблях тоже увязались... Такое ощущение, что весь мир следует за нами...

По небу плывут тяжёлые облака, похожие на бескрылых больших птиц.

В районе встретили нас с удовольствием. Оказывается, и до нас было много желающих посмотреть на начало оптимизации. Перед нами открывались двери каждого учебного кабинета, все они были с большими окнами, оснащены мебелью, компьютерами... Вот здесь и будут учиться дети из тех деревень, где закрылись школы. Естественно, радовало, что хорошие знания – это хорошее будущее.

– Так будет лучше, вы верите?

– Да, конечно, верю, – сказала я.

Как не верить эпохе! Как не верить стране! Мы же верим всему: в людей, времени, в будущее...

– А теперь мы поедem в школу, которая закрывается, – сказал заведующий роно. В его голосе послышалась гордость.

– Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, – сказала и я.

Когда вышли из здания, остановились в недоумении: неожиданно пошёл сильный дождь.

– Как же нам не повезло, – сказал заведующий.

– Ничего, пыль только спадёт, – ответила я.

Он переменялся в лице:

– Там около трёх километров бездорожье, как его проедem?

– Проедем... Дети же по той дороге будут ходить, и мы как-нибудь проедem, – сказала я.

Заведующему не понравились мои слова, он просверлил меня своим тяжёлым взглядом.

Мы поехали. Дождь усиливался. Заведующий волновался всю дорогу:

– Нашли день приехать, с утра стояла такая погода.

– Нет, когда мы выезжали, смеялось солнце, – я улыбнулась в ответ.

Он спросил у водителя:

– Гали, как думаешь, сможем проехать?

– Попробуем... – нехотя ответил водитель.

Дождь лил как из ведра. Да и на асфальте то там, то тут появились ямы, и машина временами стала подпрыгивать. Мы все сидели без слов.

– Всё, доехали. Попробуем пойти пешком, но не похоже, что мы дойдём. – Водитель старался говорить спокойно, но его слова меня не успокоили.

Я очень хотела именно сегодня поверить в слово «оптимизация» и в то, что она приведёт только в хорошее будущее. Со всей душой пожалела деревенских ребят. Они не виноваты, что родились в малых деревнях!

Немного постояв под дождём, мы снова залезли в тёплую машину.

– Нет, не сможем дойти... Как можно сюда заехать? – сказал заведующий угрюмым голосом. Потом приказал: – Поехали обратно!

Мы все молчали. Потому что было ясно, что даже государство бывает беспомощным перед созданными своими руками проблемами...

* * *

Тихое утро. Лыжня, которая соединяет нас с образованием, то есть со школой соседней деревни, лежит вся в сверкающей белизне. Звук скользящих лыж, кажется, слышится на том конце земного шара. На пуховом платке блестит иней, он на ветру бьёт меня по лицу. Я вспоминаю учителя, который весь белый приезжал в школу. Я, наверное, сейчас сама на него похожа.

Мы после восьмого класса стали учиться в школе соседней деревни. И вот десятый класс.

Как только вошла в школу, ко мне подбежала одноклассница Раина:

– Слышала о смерти учителя?

– Когда? Что случилось?

– Никто не знает, что и как. На столе, говорят, стоял неполный стакан. И вся комната была полна запахом валерианы. Настойка ли, яд ли, что там было – никто не стал проверять...

Об этом ей сказал её отец-фронтовик. Они живут на том конце деревни, поэтому узнали первыми. А я слышала только в школе.

Отец уже был дома, когда я вернулась после уроков. Он сидел, стиснув голову обеими руками, и молчал. Да... фронтовики даже после смерти не бросают друг друга.

* * *

Эта тяжёлая весть, как звук горна, очень долго звенела в моих ушах. Вечера маленькой деревни, которые усыпляли нас своими зарницами, и звук горна... Учитель о нас помнил всегда, даже летом приезжал в деревню. Приглашал нас на сборы яблок. Во дворе школы росли яблони ранних сортов, их яблоки были самыми красивыми: розовые, крупные и такие вкусные. И вот в один прекрасный день слышим, как трубит горн.

– Учитель зовёт нас! Ур-р-ра! – мы бежим на звук горна.

Как-то я услышала, как отец матери шепнул:

– Этот звук горна напоминает мне плач его души.

– Звук униженной горем и тоской души, – добавила мать.

Я всю дорогу шла с вопросом «Что же оно такое, плач души?..»

Когда мы прибежали, то увидели, что учитель делил яблоки: он их распределял по кучам. Его тонкие пальцы двигались очень быстро. Вообще-то, красота его рук и пальцев была намного заметнее, когда он писал мелом на доске.

Учитель нас встретил с улыбкой. У него, говорят, один глаз стеклянный, поэтому и не двигается. Мы не удивляемся. Потому что знаем, что этот глаз – свидетель трагических военных лет. Знаем, что вернулся с войны победителем! В нашей деревне у многих победителей, вернувшихся с фронта, нет то ноги, то руки, то глаза.

Рядом с учителем стоит Рахия-апа, она зимой топит школьную печь.

– Рахия, – учитель подозвал её поближе к себе, – вот эти яблоки, пожалуйста, положи на сушку. Зимой сварим компот для детей. В прошлом году им же очень понравилось. А эти... Дети, ну как, готовы ваши кепки и подола? Держите!

Наши подола полны розовыми яблоками.

Высокого роста, худощавый учитель с седыми волосами провожает нас с улыбкой. А мы бежим домой. В середине лета для школьников праздники устраивать умел только он, наш учитель! Праздник, подаренный учителем!

* * *

Я мечтала о том, что напишу об оптимизации очень большую хвалебную статью. Но мечта растаяла как дым и улетела в небеса. Ведь готова была уже и сама поверить в то, о чём собиралась писать. Пусть только приведут примеры для сравнения... Тех деревенских женщин и старушек можно было бы и покритиковать, мол, всё ещё живут прошлым... Но выходит, что они правы?

Бегу на трамвайную остановку, у самой в ушах шумят их голоса: «Скажи им, дочка, пусть не закрывают нашу школу! Пусть не трогают нас!..»

Но как? Я сама не знаю, как сохранить деревни и их школы от оптимизации... Да и депутаты тоже не знают, наверное... Как же можно их оставить в покое? Моя душа разрывается на части, потому что я сама – дитё малой деревни...

Когда пришла на работу, на столе лежало нераспечатанное письмо на моё имя. Ровные буквы указывали на то, что письмо написано учителем. И от кого может быть? Снова об оптимизации, наверное. В ушах до сих пор звенят голоса из прошлых писем: «Не трогайте деревню! Не закрывайте нашу школу!.. Не говорите, что детей мало, что их всего четыре или пять. Эти дети – надежда деревни на будущее! Мы их бережём как зеницу ока!»

Конечно, душа меня не обманула: письмо написали учителя той маленькой школы, куда я ездила вместе с депутатами. «Если бы чуть-чуть помогли, мы бы рядом с портретом Ньютона повесили бы портреты Тукая и Джалиля. Но на деньги, на которые собирались покупать

портреты, мы для вас организовали обед, накрыли стол...» Эх, я ведь тоже сидела за этим столом! Виновата. Нас учили, что нельзя быть выше хлеба. Потом в письме добавлено, что школьный бюджет очень мал. Похвалили своего директора школы. Написали: «Наши люди пьют только родниковую воду, поэтому и думают красиво. И хотят жить так же красиво со своей школой». Затем перечислили знаменитых людей: учёных, учителей, врачей и других выходцев из их деревни.

Мои глаза бегут по строчкам письма. Кажется, стук сердца слышится ещё громче. «А вы пишете об отсталости деревенского жителя. Мы ли виноваты в этом? Или директор школы?»

Я же написала о том, что увидела... Значит, хотя и выросла в деревне, я уже не знаю, чем живёт деревня...

Если по правде, то мечта моего учителя и отца сбылась: мы все уехали из деревни. Уехали в любви к своей деревне. Уехали со слезами на глазах. А теперь уже поздно, больше никогда не сможем туда вернуться... И не понимаем, как и чем живёт деревня. Соседка Дания-апа любит говорить: «И-и-и, моя хорошая, нас же поддерживает Всевышний сам: и министр наш до сих пор живёт в здравии»... Значит, у села есть ещё поддерживающие силы. А также есть **ДЕРЕВЕНСКИЕ ЖИТЕЛИ!** Они живут с желанием оживить деревню! Говорят, что свет, вода, отопление – всё имеется, не хуже чем в городе. Может быть, придёт время, построят дороги. Многие вернутся обратно, народают детей. Может быть... потому что до сих пор деревня кормит город.

Дети нашего учителя тоже живут в городе. Говорят, что они стали знаменитыми врачами. Интересно, а они радуются тому, что уехали из деревни? Может быть... Помнят ли песни, которые разучивали вместе с отцом? Я сама, когда бывает грустно или тяжело на душе, всегда вспоминаю бабушкины песни, и в душе появляется задушевная мелодия:

...Полна головушка печали,
На сердце – грусть-тоска,
страдаю я.

О чём думал наш учитель в тишине, направляясь на лыжах в деревню нашу, в школу? Может, о том, что пришлось ему жить в этом несправедливом, жестоком мире? Может быть, обращался к далёкому горизонту деревни с просьбой: «Каким образом ещё доказать вам, что я – это я?» Есть хочет каждый... Нужен хлеб! А хлеб растит деревня...

А мы уже уехали. И никак не сможем, наверное, вернуться...

Ноша

Он тащит на себе тяжёлую ношу. Всю жизнь. Вообще-то, и жизнь прожита ещё недолгая. Он не может избавиться от этой ноши, как горбатый от своего горба... с каждым днём она становится всё больше и больше, объёмистее, тяжелее... словно гора, и не только: кажется огромной, как этот вечный мир. Самое страшное в том, что её невозможно уничтожить, не переложить на телегу других. Часто задумывается: как дойти до конца жизни? Сам считает:

– Шаг... Два шага... Три шага... Один день... Два дня... Три дня...

Ему кажется, после того злосчастного дня он и сам будто идёт навстречу смерти. Нет-нет, пока он направляется только на кладбище...

Только закроет глаза, появляется чувство, что ноша прицепилась к сердцу. Во сне каждый раз бежит навстречу ему друг детства и спрашивает:

– Тяжело?

Мужчина не отвечает. Потому что он не может её сдвинуть с места. Про себя думает: «Тяжело, очень тяжело».

– Мне тоже тяжело, – говорит Ряз, его ровесник. – Да ещё с левой стороны груди постоянно сочится кровь.

Мужчина испуганно открывает глаза. Тревожно стучит сердце. Он вскакивает с места, протирая покрасневшие от высокого давления глаза, выходит во двор. Один и тот же сон каждую ночь...

– Эх, как мы вместе с тобой жили бы на этой земле, – говорит он, растирая свои большие руки. – Простил бы ты меня, Ряз. А всё тогда получилось случайно... Детьми были...

Оглядывается по сторонам. Никого нет. Снова встретился с собой. Разговаривает с тишиной... А тишина, оказывается, бывает разной: может бросить в пламень, может попасть и стрелой тебе в сердце... Он опять пришёл на кладбище, стоит около могилы Рязя. Вот он поставил новую зелёную ограду. Поменял и камень. Старый камень отнёс хозяевам кладбища. На душе всё равно было тяжело...

– Родственник? – кто-то задал вопрос.

Оказывается, у соседней могилы стоит мужчина. Салават не ответил. Направился к нему. На одном камне, что стоял на могиле, было написано: «Вот и прошла моя жизнь...»

– Это моя могила, а в этой лежит супруга, – сказал мужчина, указывая на могилу с надписью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.